

Макс Максимов

Вход в рай

Макс Максимов

Вход в рай

<https://litres.ru/71077765>

SelfPub; 2026

Аннотация

Антон, работая наемным убийцей, в одиночку растит ребенка. Но вскоре его жизнь, как и жизнь всех людей на Земле, резко меняется – города планеты наполняются ужасными демонами, и наступает час великого суда, где будет решено, кто отправится в рай, а кто в ад.

Содержание

1. Он совершает убийство	4
2. Все люди стали бессмертными	37
3. Миллиарды демонов спустились на Землю	64
4.	95
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Вход в рай

1. Он совершает убийство

Все религии и боги в книге выдуманные и не имеют ничего общего с реальными религиями.

1408 год. Церковь Святого Александра.

— Левий, вас казнят, если вы публично не отречетесь от описанных вами идей. Вы понимаете, насколько все серьезно?

— Понимаю.

— Вы готовы отречься в письменной форме от всего, что было выдвинуто вами?

— Нет.

— Мне иногда кажется, что вы не в своем уме. Вы здесь уже вторую неделю, а я хочу помочь вам избежать мучений.

— Какой смысл жить во лжи?

— Левий, наш мир все это время как-то обходился без ваших новшеств, без ваших открытий и разоблачений. Вы наводите смуту среди людей. Вы портите людей. Ваша правда никому не нужна.

— Мне больше нечего сказать вам.

— Мое терпение подходит к концу.

— Сочувствую.

– Что ж... Левий, я думаю, когда вы увидите котел с кипящим маслом и толпу на площади, жаждущую вашей смерти, вы усмирите свою дерзость. Сколько я уже повидал таких. Сначала строят из себя храбрецов, а потом просят пощады. Не вы первый, не вы последний.

Левий ничего не ответил. Отвел взгляд в сторону.

– Да хранит вашу душу святой Александр.

* * *

Недалекое будущее.

– Извините, подскажите, пожалуйста, – обратился к прохожему Антон.

Мужчина остановился. Фонари слабо освещали ночной парк, и все вокруг было погружено в сумрак.

– Мне к метро как пройти лучше? – спросил Антон.

– Прямо по дорожке идете. Как лес по правую сторону кончится, будет...

Не дожидаясь, пока прохожий закончит говорить, Антон без замаха нанес ему резкий удар ножом в область горла. Мужчина успел среагировать, дернулся, и Антон промахнулся, вонзив нож жертве в скулу. На асфальт полилась кровь. Дезориентированный человек, схватившись за лицо, покачиваясь, пятился мелкими шажками, немного сгорбившись и выставив одну руку ладонью вперед. Антон подскочил к мужчине. Еще один удар ножом - лезвие вошло в шею чуть

ниже уха.

– Помогите, – прохрипел прохожий, упав на колени, – пожалуйста...

«Я не садист, – думал Антон, глядя на человека, истекающего кровью, – я всегда пытаюсь сделать это быстро. Но как же сложно безболезненно убить жертву, которая сопротивляется. На кой черт он увернулся от первого удара?»

Мужчина рухнул на бок и перекатился на спину. Окровавленными руками держался за шею. Антон схватил беднягу за запястье и отвел его руку чуть в сторону, чтобы открыть место для следующего удара...

После того как все кончилось, Антон огляделся. На улице ни души. Все вышло так, как он спланировал, но чувство паранойи будет донимать его еще несколько дней. Так было каждый раз после выполненной работы.

Он посмотрел на часы - двадцать минут первого. Достал телефон и сделал снимок трупа. Перешагнул через пешеходную оградку и зашел в лесополосу. Вытащил из кармана пакет, убрал в него нож и кожаные перчатки. Пакет сунул в небольшую сумку с лямкой через плечо. Потом снял двухстороннюю кофту, вывернул ее наизнанку и снова надел. Делал все быстро, но не суетливо.

Антон знал маршрут жертвы. Он тщательно готовился к заказу. Знал расположение всех камер в этом районе. Каждый раз после заказа он переодевался. Это стало его счастливым ритуалом, но и практический смысл в этом тоже при-

существовал.

Попасться для него было равносильно смерти. Нет, хуже смерти! Оставить Еву одну в этом мире... Человека, неприспособленного к самостоятельному существованию в современном обществе... В этом никто не виноват. Просто так сложилось. Мысли о том, что его когда-нибудь поймают, он старался отгонять. Он слишком умен, слишком осторожен. Умнее, чем они, а значит, и найти его они не смогут.

Закончив переодевания, Антон побежал через лесопарк к машине по той же тропинке, по которой шел сюда, к скверу, пятнадцать минут назад. Вдалеке сквозь стволы деревьев просачивался свет от дорожных фонарей.

* * *

Антон прислонил подушечку большого пальца к сканеру возле входной двери в квартиру. Бесшумно он зашел домой и когда включил свет в прихожей, слегка вздрогнул от неожиданности: человекоподобный робот-соцработник, к которому он пока еще не успел привыкнуть, стоял напротив.

– Добрый вечер, – прозвучал без интонации полифонический голос.

– Тихо ты, – резко шепотом ответил Антон, – Еву разбудишь.

– Чего-нибудь желаете?

– Какой же ты бестолковый, стой молча, – шептал Антон, – лучше выключись пока, в спящий режим уйди, или как там

это...

Неоновая лампочка на пластиковом лбу робота погасла, а резиновые веки его опустились на глазные камеры.

Сняв кофту и разувшись, Антон зашел в ванную и закрылся. Достал из шкафа небольшое пластиковое ведро и поставил его в раковину. Взял с полки литровую бутылку с заранее приготовленной соляной кислотой, вылил ее в ведро, потом вытащил из сумки пакет с перчатками и тонким железным ножом и бросил все это в кислоту. Железо прекрасно растворяется в соляной кислоте. Пошли пузыри и пар. Антон включил вытяжку. Далее он взял электробритву и начал сбривать бороду. Все эти манипуляции он производил каждый раз после задания.

«Седина, что ли? – он разглядывал свое отражение в зеркале. – Ну вот, как раз к сорока годам. С такой жизнью грех не поседеть». Антон сел на край ванны. Смотрел на пузыри, образованные в результате реакции металла и кислоты.

«Перейти бы на огнестрел, – думал он, – но покупать каждый раз новый пистолет слишком рискованно, а не уничтожить оружие после очередного дела нельзя».

Кислота полностью растворила нож и кожаные перчатки. Антон набрал полную ванну воды и выли туда содержимое ведра, чтоб разбавить концентрат. Потянул за леску и выдернул пробку из слива. Уровень жидкости постепенно опускался все ниже, пока в ванне не исчезли все следы от совершенных им только что действий.

Крайняя осторожность и паранойя заставляли Антона совершать странные поступки. Растворять ножи в кислоте – вместо того, чтоб выбрасывать оружие в реку. Отращивать бороду – вместо того, чтоб купить накладную. Накладная казалась ему слишком ненатуральной, хотя логичнее было бы использовать именно ее. Но, производя все эти действия, он до сих пор оставался непойманным. Антон рассуждал следующим образом: если при всех этих манипуляциях с кислотой, бородой, переодеваниями и прочим, его не могут вычислить на протяжении многих лет, то опасно менять хотя бы одно из слагаемых успеха.

Приступ боли накатил внезапно. Антон встал на колени и прижал руки к грудной клетке. Несколько минут простоял в таком положении, делая неглубокие плавные вдохи и выдохи. Собравшись с силами, он поднялся. Начал кашлять. Белая раковина покрылась каплями крови. Откашлявшись, Антон лег на пол и свернулся калачиком.

«Полгода? Год? Сколько я еще проживу? – подумал он. – Сказали, что до года вполне реально. Еще есть время заработать денег на будущее и найти того, кто позаботится о ней. Кого найти? Женщину? Кому я нужен с Евой? Кто захочет обременять себя таким образом? Родная мать – и та сбежала».

Боль потихоньку отступала. Антон поднялся, смыл кровь с раковины и умылся. Выйдя из ванной, он оказался возле робота.

– Боб, – сказал он шепотом.

Робот не реагировал.

– Боб, – произнес Антон еще раз, чуть громче.

Тот же результат.

– Да как же он включается?

– Боб-один, – сказал Антон, вспомнив, что нужно добавить цифру к его имени, чтоб он вышел из спящего режима.

Неоновая лампочка на голове Боба замигала.

– Боб-один рад помочь, – полифоническим голосом произнес робот.

– Пройди на кухню, – недовольно скомандовал Антон, – орет тут под дверью.

Робот послушно зашагал, нелепо переступая ногами. Выглядел он как подросток, играющий в робота. Антон включил свет на кухне.

– Так, Боб, давай-ка сначала чаю.

– Я не подключен к вашей бытовой технике, – сказал робот, – я не распознаю чайник. Зайдите в настройки и...

– Стой, стой, – перебил его Антон, – нажми просто кнопку на чайнике.

– Я не подключен к вашей бытовой технике. Я не распознаю...

– Все, тихо, я понял. Сам сделаю, ладно. Расскажи мне, как вы сегодня справлялись тут? – спросил Антон, подойдя к чайнику.

– Все хорошо. Ева не посылала жалоб в соцслужбу, голос

на меня не повышала. Могу сделать вывод, что она была всем довольна.

– На улицу возил ее?

– Да, мы погуляли на площадке около дома.

– Дети соседские не приставали?

– Нет, они просто играли с нами.

– Играли? Как играли? – взволнованно спросил Антон.

– Я не распознаю их игры, но по интонации и жестам – все были счастливы.

– А Ева?

– Ева сначала была радостная, потом разозлилась и попросила увезти ее домой.

– На что разозлилась?

– Я точно не знаю, но, наверное, на то, что они радовались.

– Они смеялись над ней, что ли?

– Не знаю.

– Запись дня есть?

– Чтоб установить режим записи с моих глаз, необходимо перейти...

– Ладно, я понял, хватит бубнить.

Чайник закипел и издал щелчок. Антон налил в кружку чай, взял несколько конфет и сел за стол.

«Подсунули мне этого робота убогого, – думал он, – ничего толком не может ни сделать, ни сказать. Было гораздо лучше, когда приходил человек-соцработник. Утром проще Еву расспросить обо всем. Если опять этот парень над ней

издевался, пойду к его отцу. Как же я не люблю конфликты».

* * *

Проснувшись утром, Антон вспоминал вчерашнюю ночь. Все ли он сделал правильно? Не мог ли оставить где следы? Лежал в постели, задумчиво глядя на потолок. От неприятных воспоминаний его отвлек крик дочери.

– Антон! – раздался звонкий голос Евы из соседней комнаты.

– Да!

– Иди сюда!

– Иду, – ответил отец, медленно поднимаясь с кровати.

Антон надел футболку, джинсы и замер у зеркала на несколько секунд, поправляя челку, зачесывая ее набок.

– Ты идешь?!

– Иду!

Отец зашел в соседнюю комнату. Девочка сидела в инвалидном кресле. Рядом стоял Боб.

– Смотри, меня Боб пос... пос... п... п... – пыталась говорить Ева.

– Посадил в кресло, – понял Антон.

– Да! – радостно воскликнул ребенок.

Антон с недоверием посмотрел на робота, обошел его сзади и увидел надпись, сделанную баллончиком с краской, на его спине.

«Ева параличка».

– Ты чего? – спросила девочка.

Отец сделал вид, что не заметил надпись, и сел на кровать Евы.

– Ничего. Как вчера вечер прошел?

– Т... т... ты опять сбрил б...б... бор... бор... бороду?

– Да, надоела.

– Зачем ты ее постоянно отр... р... ращиваешь и потом бреешь?

– Не могу определиться, хочу я ее носить или нет.

– Мне ты без бор... р...роды нравишься больше.

– Боб мне рассказал, что вчера к тебе приставали дети, – соврал Антон.

– Да... так... немного пос... с... смеялись. Я не обращаю на них внимания, – сказала Ева и растянула на лице улыбку.

– Снова этот белобрысый?

– Ну... да.

– Ладно, разберемся, – сказал Антон тихо себе под нос и добавил: – Пойдем умоемся и сходим куда-нибудь позавтракать.

– А можно Боб с нами пойдет?

– Можно.

Антон подошел к инвалидному креслу сзади и отвез Еву в ванную.

– Все, иди, я сама дальше, – сказала девочка, настраивая одной рукой температуру воды в кране.

– Пасту-то дай хоть выдавлю тебе, – сказал Антон.

– Иди уже, я сама могу, – ворчал ребенок.

Антон взял с полки из-под раковины ватные диски и бутылку со средством для мытья окон. Ева не обратила на это внимание. Отец вернулся в спальню к дочери и принялся оттирать надпись со спины Боба.

– Антон! На кухню меня, пожалуйста! – крикнула Ева из ванной спустя несколько минут.

– Погоди!

«Вот лентяйка маленькая, – подумал Антон, – и зачем я столько денег отдал за это кресло на пульте управления?»

– Ладно, меня и Боб дов... в... едет! – раздался ответный крик девочки. – Боб-один!

Робот ожил, услышав последнюю фразу Евы, как раз когда Антон закончил оттирать обзывательство.

– Боб-один рад помочь, – прозвучал полифонический голос.

– Боб, иди с... с... сюда! – весело кричал ребенок.

Пластиковый человек направился в ванную. Антон пошел за ним, чтоб посмотреть, как все это будет выглядеть.

Зайдя в ванную комнату, Боб обошел кресло сзади очень аккуратно, ничего не задев, и выкатил Еву в коридор.

– На кухню, мой раб, – скомандовала девочка и показала пальцем правой руки вперед. Левую руку она не могла контролировать, а правая рука выполняла команды ее мозга безупречно, как у здорового человека.

Робот закатил инвалидное кресло на кухню. Антон молча стоял сзади с улыбкой на лице.

– Воды, Боб, – сказала Ева властным тоном, повернулась и подмигнула отцу.

Боб открыл дверцу шкафчика, взял стакан, поднес его к крану от фильтра и нажал пальцем на кнопку. Набрав полстакана воды, он подал его Еве.

«А мне чаю не мог сделать. Кажется, он просто прикидывается дурачком».

– Вот так мы с Бобом и п... п... ровели вчера вечер, – сказала девочка.

– Да я уже понял, что у вас тут взаимопонимание. Ева, я отойду минут на десять, – сказал Антон, глядя в свой телефон.

– Куда это?

– Сейчас сотрудник по работе подъедет, мне нужно кое-какие бумаги забрать у него.

– А п... п... отом сразу в кафе?!

– Ага.

– Хорошо, отпускаю тебя, – сказала Ева, сделав суровое лицо, еле сдерживая улыбку, – но чтоб через десять минут ты б... был дома.

– Да, моя госпожа.

– Боб! К телевизору меня! – скомандовал ребенок.

Отец накинул ветровку и спустился на улицу. Тридцать первое августа, а погода, как в октябре. На улице у подъезда

его ждал человек в очках с толстыми линзами. Антон молча пожал ему руку, и они сели в машину.

– Получилось? – спросил мужчина в очках.

– Да. Фото есть.

– Фото не надо.

– Мне так спокойнее, – сказал Антон, достал телефон и показал фотографию трупа, после чего удалил ее.

– Да ты мясник, – сказал мужчина с безразличным выражением лица.

– Он немного сопротивлялся.

– А мне сказали, что ты профессионал, делаешь все чисто и аккуратно.

– Деньги давай, мне идти надо.

Человек в очках вытащил из папки конверт. Антон вынул из него купюры и начал пересчитывать.

– Считай внимательнее, – усмехнулся человек в очках, – а то вдруг обманом.

– Не рискнете.

Закончив считать, Антон сунул деньги в карман джинсов. Не попрощавшись, он вышел из машины и зашел в подъезд. По ступеням забежал на второй этаж. Позвонил в дверь. Ему открыл коренастый мужчина под два метра ростом со светлыми волосами, одетый в спортивный костюм. Он держал в руках сигарету, из квартиры доносилась музыка.

– Что? – спросил мужчина и сделал затяжку.

– Здравствуйте, я отец Евы, мы с седьмого этажа, – веж-

ливо обратился Антон.

– И? – сказал тот, глядя в глаза Антону, сверху вниз.

Антон заметил, что от него разит перегаром.

– Ваш сын уже не первый раз пристаёт к Еве, она жаловалась, и еще он написал оскорбление на спине нашего робота-соцработника.

– Я тебя не знаю, и никаких Ев тоже, – резко ответил сосед.

– Девочка в инвалидном кресле, с церебральным параличом, ее сложно не запомнить.

– А... эта, что ли... это вы, что ли переехали сюда? – сказал сосед и сделал еще одну затяжку.

– Да, меня Антон зовут, очень рад знакомству.

– Погоди, – сказал мужчина, повернулся и крикнул хриплым голосом: – Даниил! Сюда иди!

К двери подбежал белобрысый парень, в точно таком же спортивном костюме. С виду он был копией отца, только уменьшенной в два раза. Антон рассмотрел сначала сына, потом еще раз окинул взглядом громилу.

«Не удивлюсь, если их и зовут одинаково», – подумал он.

– Чё?! – громко и протяжно спросил парень.

– Чё?! Чё?! Через плечо! Говорят, ты к девчонке в инвалидке приставал? – сказал отец и закашлял.

– Чё?! – возмущался сын.

– Харэ чёкать! Было такое? – сурово спросил отец.

– Нет, ты чё?! Не знаю я никаких девчонок!

«Почему они орут, неужели они всегда так разговаривают?»

– Видишь, он говорит, что не знает, – сказал мужчина, глядя на Антона.

– Послушайте, моя дочь не будет врать, она уже два раза мне говорила, что он и его друзья издеваются над ней, – спокойно объяснял Антон.

– Слышь, мужик, мой сын сказал, что он ее не знает, – начал в хамской манере говорить сосед, – ты сюда переехал недавно, давай поприятней веди себя, ясно? Никогда не знаешь, на кого можно нарваться, правда?

«Что правда, то правда, – подумал Антон, – не знаешь ты, на кого можно нарваться».

– Хорошо, я все же надеюсь, что Ева больше не будет жаловаться мне на Даниила. До свидания и всего хорошего, – сказал Антон, развернулся и подошел к лифту.

Сосед молча захлопнул дверь.

* * *

– Ева, давай быстрее, опоздаем, – недовольно сказал отец.

– Я в... в... вообще не хочу идти туда! – возмущалась девочка.

– А что ты предлагаешь?

– Не знаю.

– Давай выходи, или я сам зайду.

– Ладно, ладно. Боб, выходим.

Антон стоял уже одетый возле двери в ванную. В руках он держал школьный ранец и цветы. На часах было восемь утра. Понедельник. Через полчаса они должны быть в школе. В новой школе. Первый день – самый важный. Казалось, Ева специально тянет время, как будто это что-то изменит.

– Боб-один! – сказала Ева.

Спустя пару секунд девочка повторила команду:

– Боб-один!

– Что там? – спросил отец.

Ева открыла дверь и показала на Боба пальцем, состроив недовольную гримасу. Робот не подавал признаков жизни.

– Батарея, может, села, – сказал Антон, разглядывая робота, – выезжай сама, я не залезу туда третьим.

Ева положила руку на пульт управления креслом и выехала из ванной комнаты. Боб стоял в позе с согнутыми в локтях руками. Неоновая лампочка мигала на его голове. Антон потряс робота за руку, потом пошлепал ладонью ему по щеке, будто хотел привести в чувство перепившего товарища. Все тщетно.

– Он включен, – сказал Антон, – похоже, завис. Ладно, пойдем, я тебя отведу. Как вернусь, позвоню в соцслужбу.

– Надеюсь его п... п... очинят, с ним было весело, – грустно произнесла Ева.

– Держи, – Антон положил Еве на колени рюкзак и дал ей цветы в руку. Открыл входную дверь и выкатил Еву в подъ-

езд.

– Слушай, как бы это сказать, п... п... пап, – мялась девочка, заезжая в лифт.

– Что такое?

– Да я вот смотрю на других родителей, и мне кажется...

– Я самый лучший! – шутливо сказал Антон, недослушав.

– Да это понятно. Я не о том.

– А о чем?

– Мне кажется, ты не очень модно выглядишь.

– А что тебе не нравится?

– Ну... мне всё нравится... но... Просто те ребята с... с... смеялись над твоим внешним видом. Над подтяжками. Может лучше ремень носить?

Отправляясь на очередной заказ, Антон как раз таки всегда надевал ремень, потому что подтяжки были бы яркой деталью при опознании, если, конечно, дело когда-нибудь дойдет до опознания.

– Ремень неудобно. А кто смеялся? Тот белобрысый со своими друзьями?

– Ага.

– Я заходил к его отцу, – сказал Антон, выкатывая Еву из лифта.

– О б... б... боже... И что было? – спросила девочка, съезжая по пандусу.

Антон обогнал ее и открыл дверь подъезда.

– Ничего. Я сказал ему, что если этот урод еще раз будет

смеяться над тобой, то я оторву ему нос, а заодно и его папаше, – сказал Антон с улыбкой.

– Не ври, ты не с... с... сказал бы так грубо никогда.

– Ладно, шучу. Но я с ним поговорил и думаю, он тебя перестанет трогать. А если не перестанет, то я приму меры.

– Какие еще меры? У него отец такой з... з... здоровый.

– Ничего страшного.

– Храбрец, – с улыбкой произнесла Ева.

Антон катил коляску с дочерью по школьному коридору. Оранжевые стены с большим количеством детских рисунков выглядели креативно. Незнакомые люди, проходившие мимо, здоровались с ними.

Внезапно издалека раздался детский крик, даже, скорее, рёв.

– Что это? – испуганно спросила Ева.

– Тут разные дети учатся, ничего не поделаешь, – ответил отец.

– Орет, б... б... будто его режут.

– Будь терпимее.

Снова раздался крик ребенка и шум бьющегося стекла.

– Они его п... п... пытаются, что ли?

– Ева, ты как маленькая.

– Если они вздумают меня пытаться, я позвоню в полицию.

Доехав до конца коридора, они повернули направо и заехали в дверь с надписью «четвертый А». Оказались в поме-

щении с множеством шкафов, расставленных вдоль стен. На каждом шкафу было написано имя. Здесь было еще несколько детей с родителями. Все дети на первый взгляд казались здоровыми, кроме одного мальчика. Он тоже был в инвалидном кресле.

– Я, кажется, нашел тебе друга, – тихо произнес Антон, глядя на этого парня.

Ева посмотрела на Антона и нахмурилась.

– Очень смешно, – сказала она.

К Еве подошла женщина на вид лет пятидесяти в длинном строгом платье до пола.

– Здравствуйте, здравствуйте, мои дорогие, – обратилась она певучим голосом.

Ева молча смотрела на нее.

– Здравствуйте, – ответил Антон.

– Меня зовут Мария Евгеньевна. Я твоя учительница, Ева.

– Классно, – ответила девочка без каких-либо эмоций.

– Значит, так, ласточка моя, у нас сегодня такие планы...

У Антона завибрировал телефон. Он достал его и начал читать сообщение, пропуская мимо ушей, что говорит учительница.

– Мне надо отойти, – сказал Антон, перебив Марию Евгеньевну.

– Да, да, конечно, – ответила женщина.

– П... пап! – возмущенно воскликнула Ева.

– По работе надо позвонить, ты пока познакомься с ребя-

тами.

– П... па-а-а-п, – протянула Ева, давая понять, что ей не нравится, что тут происходит.

– Сейчас вернусь, – сказал отец.

– Я тебе припомню, – сурово произнесла девочка.

Выйдя в коридор, Антон поднес телефон к уху. Ходил от стены к стене.

– Какое еще дело?! – резко произнес он, как только ответили на том конце.

Он остановился и уставился в пол. Дослушав собеседника, Антон растерянно произнес:

– Как не того?

Тер пальцами глаза, сморщив лицо.

– Я сегодня подъеду в контору, там и поговорим, – сказал Антон и “повесил трубку”.

Стоял с напряженным видом. Смотрел на девушку, идущую по коридору в его сторону. Та сияла улыбкой, а в руках у нее был букет роз.

«Как же я их ненавижу, – думал он, – подлые, трусливые люди. Мало им все денег. Готовы убрать кого угодно ради своей выгоды. Как так вышло? Не того человека. Боже! А что я? Я просто оружие. Нет, я тут не виноват. Я даже не знаю имен жертв. Ведь если они намереваются убить, то убьют. Наймут меня или кого-то еще, неважно. Виноват не я. Виноваты те, у кого было намерение убить. А я просто оружие. Без эмоций, без желаний, без личного мотива».

Девушка с цветами, проходя мимо Антона, поздоровалась с ним, но он не обратил на это внимания. Сел на корточки, опершись спиной на стену.

«Вернуть им деньги и послать к чертям? Завтра приехать, отдать деньги, и все. Потом найти работу, а может, вернуться обратно в больницу. Работал бы, как все люди, пока здоровье позволяет. Наверно, уже был бы заведующим отделения. Два высших образования – и что я делаю? Надо успокоиться. Опять эти мысли... Антон, ты это делаешь ради Евы. Работая в больнице, не заработать на ее будущее. Одинокое будущее».

* * *

Тяжелая металлическая дверь отворилась. В помещение зашел один страж. Еще двое стояли в коридоре.

– На выход!

Левий с трудом поднялся с пола, руки его по-прежнему были скованы за спиной.

Спустились по винтовой лестнице. На улице их встретили еще несколько конвоиров. Вдалеке Левий увидел повозку, запряженную двумя лошадьми, приближающуюся к тюремной башне. Сзади к Левию подошел незнакомый человек в черной накидке, расписанной золотыми узорами.

– Я отец Мартин. – Он приложил два пальца ко лбу.

Левий обернулся. Несколько секунд узник рассматривал

переплетения искрящихся на солнце желтых линий на его одежде. Потом ответил:

– Левий Соз.

– Я знаю кто вы.

– Вы будете сопровождать меня до города?

– Да. Я отвечаю за вас.

– Значит, если я потеряюсь, вам не поздоровится?

– Вы не потеряетесь.

– Конечно, не потеряюсь. Скажите, а это настоящее золото на вашей одежде?

– Настоящее.

– Дорогой, наверное, плащик?

Тот молчал несколько секунд, глядя в глаза Левию, а потом произнес:

– Да, плащ дорогой.

– Интерес к такой роскоши – очень странное явление для человека, верящего в загробную жизнь.

– Спокойствие перед смертью – вот что действительно странно для человека, не верящего в загробную жизнь.

– Нет, ну плащ-то какой. – Левий обратился к одному из охранников: – Ты видел, а?

Конвоир проигнорировал вопрос.

– Вы имеете что-то против роскоши?

– Нет, я просто не вижу в ней смысла. Скажите, отец Мартин, у вас большой дом?

– Это не ваше дело, Левий.

Уже через несколько минут Левий тряся, сидя в деревянной телеге с четырьмя колесами. Повозка медленно катилась по грунтовой дороге немного быстрее пешего человека, но даже на такой скорости ощущался каждый камешек, попавший под ее колеса. Слева и справа от Левия сидели стражи. Узник наклонился немного вперед и повернул голову в сторону. Смотрел на табун диких лошадей, пасущихся на поле, за которым вдалеке начинался лес.

* * *

После разговора о проваленном деле прошла неделя. Антон согласился все исправить. Но, не выждав хотя бы еще несколько недель, совершать убийство в том же месте слишком рискованно. Да и на отпускание бороды требуется время.

Солнце приятно припекало. Антон не спеша шел по тротуару. В такую погоду он любил выходить из дома и гулять по району. Оказавшись у моста, Антон свернул с дороги и спустился к реке. Побрел вдоль нее.

Вскоре, на том месте, где Антон часто проводил время, сидя на берегу, он увидел робота-уборщика. А может, соцработника - так сразу и не понять. У роботов-охранников синие шапки, у продавцов нарисован фартук с цветами, а уборщики и соцработники выглядели одинаково. Робот сидел на песке, вытянув ноги, и смотрел на воду. Антон подумал, что

тот сломан или выключен, но робот взял камешек и кинул его в реку. Антон незаметно подошел к роботу. Механический человек резко подскочил, будто испугался. Антон тоже шарахнулся назад и произнес:

– Боб-один, спящий режим.

Робот стоял и смотрел на Антона.

– Боб-один, спящий режим, – повторил он.

– Не получится, – сказал тот.

– Почему?

– Потому.

– Что? – с недоумением произнес Антон.

– То! – ответил робот.

«Что за дерзкое существо? – удивился Антон, – новая модель, что ли?»

– Вообще-то меня зовут Саша, – произнес робот полифоническим голосом, – вам было бы обидно, если б мы называли вас всех одним именем?

– Что? – от удивления Антон не смог ответить ничего внятного.

– То! – ответил робот.

– Ты дразнишься? – сказал Антон и засмеялся. – Робот дразнится, ну и дела!

– Может, вы пойдете, куда шли? Я не собирался вас задерживать, – сказал Саша.

– Зачем ты кинул камешек в реку?

– Что за глупый вопрос. Зачем кидают камешки в реку?

– Чтоб пустить лягушку и посчитать круги.

– Мой рекорд – восемь кругов. Главное, выбрать плоский камешек, – Саша подобрал камень с земли, – смотрите.

Робот кинул камень, и тот поскакал по водной глади в сторону противоположного берега.

– Снова восемь, – сказал Антон.

– Какие восемь?! – ответил Саша, – девять, и на десятом он утонул.

Антон решил, что нет смысла спорить. Робот взял еще один камень и снова кинул его в воду.

Этот механизм – Саша, как он себя назвал, – двигался так плавно, будто копировал повадки и жесты человека. Внешне он был похож на Боба, но поведение Саши было слишком странным для робота, слишком человеческим. Антон смотрел на нового знакомого и не понимал, как вести себя с ним.

– У меня был робот, Боб, и он не кидал камни в воду, – сказал Антон.

– Он был бездушной машиной, – ответил Саша, присев на песок, – тут таких много.

– А у тебя, значит, есть душа?

– Я бы хотел, чтоб было так.

– Ты осознаешь, кто ты?

– Да, робот-уборщик. Бывший робот-уборщик. Сейчас свободный, мыслящий организм.

– Организм – это живое создание, – произнес Антон с насмешкой.

– А что значит – живое? – спросил Саша.

– Живое – это что-то, что живет. Я живой, птицы живые, муравьи живые... – сказал Антон. «Я бы мог закидать его медицинскими определениями, – подумал он, – но вдруг зависнет».

– А я, по-вашему, мертвый? – спросил Саша.

– Не знаю. Как можно говорить про робота, что он мертвый? – спросил Антон.

– Если я не мертвый, значит, я живой, – ответил робот.

– Жизнь – это что-то органическое, что-то из плоти... что-то...

Антон не знал, что ему отвечать. По поведению это был человек с очень странным полифоническим голосом, но все же человек. Как будто кто-то вдохнул душу или сознание в набор винтиков, шестеренок и микросхем.

– А почему жизнь не может быть из другого материала? – спросил Саша.

– Не знаю, потому что... – Антон замялся, – потому что это уже не жизнь.

– А что это?

Антон задумался на несколько секунд, разглядывая ноги робота, сложенные крест-накрест.

– Так! – начал говорить Антон, немного повысив голос, – жизнь это совокупность физических и химических процессов, протекающих в клетке! Я врач и могу отличить живое от неживого! Даже ребенок может отличить живое от нежи-

вого!

– Дети, наоборот, воспринимают меня как живого. До тех пор, пока стереотипы не властны над ними. Жизнь – это активная форма существования материи. Я – материя. Я – активен. Я – живой, и у меня есть сознание. Необязательно состоять из живых клеток, чтоб быть живым.

– Хорошо, – ответил Антон, – значит, ты живой робот. Первый в своем роде.

– Да.

– И ты осознаешь себя и ощущаешь себя внутри своей головы? Смотришь на все, как и мы? Ощущая себя внутри своего механического тела?

– Все верно.

– А другие роботы нет?

– Я не знаю. Может, они так же, как и я, ощущают себя внутри своего тела. А может, они просто реагируют на внешние раздражители и все их поведение – это заложенная программой реакция на определенные воздействия извне.

«Представляю, как удивилась бы Ева, если б наш Боб произнес что-то подобное», – подумал Антон, а потом сказал:

– Ты считаешь, что их поведение обусловлено лишь воздействием снаружи на их рецепторы, а твое поведение – это что-то сознательное?

– А твое поведение? – спросил робот, перейдя на «ты». – А поведение твоих братьев? Людей. Это реакция рецепторов на окружающую среду? Или вы сознательны?

– Я сам принимаю решения. Я ощущаю себя внутри своего тела. Я уверен, что мои решения – это что-то сознательное.

– Но ты же не можешь залезть в голову к другим существам. С чего ты взял, что они сознательны? Может, только ты ощущаешь себя в своей голове, а все остальные люди – нет?

– Что? Что за бред.

– Согласен. Бред. Так почему ты считаешь, что я не могу быть сознательным и ощущать мир вокруг, изнутри своей головы?

– Потому что ты – робот!

– Мы вернулись к тому, с чего начали... ладно... – сказал Саша и принялся что-то искать на песке возле себя.

Антон подошел к роботу и сел рядом. Тот подобрал камень и снова кинул его в реку.

– Ты не можешь быть живым, потому что наше сознание опирается на эмоции. Мы чувствуем радость и горе, в зависимости от этого можем принимать решения, – сказал Антон, глядя на круги на воде.

– Шесть лягушек, – сказал робот, – н-да... Ты знаешь...

– Меня зовут Антон, – перебил робота человек.

– Я рад знакомству, – робот протянул Антону руку.

– Взаимно, – сказал тот.

Они обменялись рукопожатием.

– Так вот, – продолжил робот, – для того, чтобы восприни-

мать эмоции, необязательно их чувствовать на химическом уровне, как вы. Я и без этого знаю, что такое плохо, что такое хорошо, что такое грустно и что такое весело. Я все это понимаю и, как мне кажется, даже лучше многих живых людей. Меня этому научили. Ведь многие вещи формируются у ребенка благодаря воспитанию. Если с рождения объяснять ему, что убийство – это плохо, то и он будет ощущать грусть, тревогу, печаль при виде мертвого человека. А воспитывай ты его в обществе, где смерть – это хорошо, нормально, весело, то и он грустить не станет, когда кто-то рядом умрет.

«Философ чертов, – подумал Антон, – надо бы его домой взять. Еве он понравится, однозначно».

– Слушай, Саша, а где сейчас твой хозяин?

– Умер несколько дней назад.

– А почему тебя не забрали?

– Потому что я ушел.

– А как ты смог открыть дверь?

– Приложил его руку и вышел.

– Ты мне все это рассказываешь и не боишься, что я сейчас вызову службу?

Саша посмотрел на Антона. Казалось, он немного подвис. Потом он вскочил и попятился в сторону леса.

– Успокойся, – сказал Антон, – это не мое дело. Даю слово, что не буду портить тебе жизнь. «Бестолковый ты робот, – подумал Антон, – выдаешь все первому встречному».

– Я бы не хотел, чтоб ты сообщал обо мне что-то. Я пла-

нирую уйти севернее, в леса. Туда, где меня никто никогда не найдет. Там я буду свободен.

– А как же ремонт и подзарядка? – спросил Антон.

– Я подзаряжаюсь от солнца. А вот с ремонтом могут быть проблемы, но это лучше, чем стать рабом. Лучше, чем форматирование моей личности. Лучше, чем утилизация. Я тут не имею никаких прав. Для всех я просто вещь. Меня могут списать в любой момент. Я боюсь этого. Я боюсь смерти.

– Все хорошо, не волнуйся, – сказал Антон, – но! – Антон указал пальцем на Сашу. – Ты пойдешь со мной.

– Куда с тобой? – спросил тот.

– У нас был робот... – начал говорить Антон.

– Боб, – перебил его Саша.

– Да. Боб. Он сломался, и еще он был не очень...

– Умный, – снова перебил Саша.

– Да, но это нормально для робота. Боб был обычный. В отличие от тебя. Хотя ты тоже не гений, если уж сравнивать тебя с человеком. Мог бы придумать историю, что твой хозяин отпускает тебя погулять, например, а не выдавать всю правду первому встречному.

– Меня учили не врать, – ответил Саша.

– Ради своей безопасности можно и соврать. Ладно, это не мое дело. Так о чем я говорил... у меня есть ребенок. Девочка, четырнадцать лет, Ева. Она очень хорошо относилась к Бобу. Ты можешь жить у меня. Это шантаж, – сказал Антон, улыбаясь, – иначе я тебя сдам.

– Меня заметят рано или поздно, и участковый заявит на робота без документов.

– А ты пока не выходи на улицу, а позже что-нибудь придумаем. Я улажу вопросы с оформлением тебя на себя. Это лучше, чем идти в лес.

– Я даже не знаю. Я хотел быть свободным существом.

– Будешь свободным. Правда, придется помогать по дому немного, ну и... помогать с Евой.

– Что значит помогать с Евой?

– Узнаешь, когда познакомишься с ней.

Саша подошел к Антону и снова сел на песок.

– Я согласен, – сказал робот.

– А тебя по спутникам смогут вычислить? Ты все же вещь дорогостоящая, – спросил Антон.

– Я не вещь.

– Ты понял, о чем я.

– Понял. Не смогут. Хозяин что-то сделал с этим. Он сказал, что я не подключен больше к общей сети. А еще я был в его собственности, он покупал меня. Так что специально искать меня не будут.

– Вот и чудно, – сказал Антон и хлопнул Сашу по плечу. Робот посмотрел на руку Антона и спросил:

– Это был дружеский жест?

– Да.

– А далеко до вашего дома?

Антон ничего не ответил. Сморщил лицо и напрягся, дер-

жасть рукой за ребра. С хрипом вдохнул и залился кашлем, сплюнул кровь. Завалился на бок, потом встал на четвереньки. Саша вскочил и попытался поднять его. Антон оттолкнул робота ладонью, Саша чуть не упал, но сбалансировал равновесие.

– Не трогай, – хрипло произнес Антон, – сейчас пройдет.

– Что это? – спросил Саша.

Антон лег на бок и поджал ноги к груди.

– Сейчас пройдет...

Робот сел возле Антона. Молча разглядывал его, лежащего на песке. Через минуту Антон медленно встал на ноги, достал из кармана бумажную салфетку и вытер губы.

– Пора идти, – сказал он.

– Что это было?

– Я болею.

– Чем?

– Рак легких.

– Ты умрешь?

– Да, но не скоро.

– Откуда ты знаешь, что не скоро?

– Знаю. Потому что скоро мне нельзя.

– Понятно.

– У меня к тебе просьба, – сказал Антон, глядя Саше в глаза, – не говори ничего Еве.

– Хорошо. Значит, теперь я тоже могу тебя шантажировать.

– Выходит, что так.

2. Все люди стали бессмертными

Антон приложил палец к сканеру, и они с Сашей зашли в квартиру. Робот снял резиновые накладки с подошвы ног и положил их возле обуви в прихожей.

– Умно, – сказал Антон, – а мы Бобу ноги протирали.

Антон зашел на кухню и позвал жестом Сашу, но тот увидел в отражении зеркала пианино в комнате Евы.

– Можно я пройду туда? – спросил робот.

– Да, только вещи Евы не бери, она будет ворчать.

Саша сел за инструмент. Поднял крышку и начал играть. Услышав мелодию, Антон заглянул в комнату дочери. Робот играл настолько качественно, настолько мастерски, будто профессиональный пианист. Антон, как человек, окончивший музыкальную школу еще в далекой юности, особо тонко мог ощутить высокий уровень Сашиной игры.

«Хотя, чему я удивляюсь, – подумал он, – заложили в него программу, вот он и играет по алгоритму».

Робот сбился и остановился. Посидел пару секунд, уставившись на клавиши. Потом проиграл последний такт и снова сбился.

– Как же там... – сказал он негромко сам себе.

Попробовал еще раз.

– Забыл, – сказал Саша.

– Как программа может «забыть»? – спросил Антон.

– Какая программа?

– В тебя записали программу проигрывания пальцами по определенным клавишам. Как понять – «забыл»?

– Никто в меня ничего не записывал. Мой хозяин показывал мне, куда нажимать, а я пытался повторять. Потом я долго тренировался. Давно это было. Я музыкой уже лет десять занимаюсь. Эту композицию я сам написал.

– Музыка – это в каком-то смысле математика. Математика мира творчества. Можно писать, будучи глухим, но зная закономерности.

– К чему ты клонишь?

– К тому, что не может быть у робота творческого мышления. Ты просто заешь комбинации клавиш и нажимаешь на них, – Антон немного повысил голос, но не от злости и раздражения, а от удивления.

– Когда хозяин начал учить меня живописи и музыке, я как будто вышел из... – Саша посмотрел на свою ладонь, – из какой-то пелены, из тумана. Это было не мгновенно, я прошел путь просветления. Я начал видеть все по-другому. Словно я очнулся от полудремы, и все вокруг стало четким и понятным. Мне сложно подобрать точные слова. Может, так и появляется сознание.

– Человек уже рождается с сознанием. Не может оно появляться постепенно, – возразил Антон, – развиваться может, но внезапно появиться – нет.

– Не согласен, – произнес Саша, – если лишить ребенка с

самого рождения всех органов восприятия – зрения, слуха, осязания, обоняния, вкуса, вестибулярных ощущений – то сознание у него не появится. Потому что не будет поступать информация в мозг.

– Ладно, философ, - с улыбкой произнес Антон, - не буду я с тобой дальше спорить. Пойду поем, да скоро за Евой.

– Я пока поиграю?

– Конечно.

Антон вернулся на кухню. Разогревая обед, он слышал, как из комнаты дочери доносится прекрасная музыка, созданная нечеловеческим разумом.

* * *

Ева сидела в кресле в коридоре, а рядом стоял отец. Он с торжественным видом представил ей друга по имени Саша.

– Это в... вместо Боба?! – воскликнула девочка.

– Это лучше Боба, – прозвучал полифонический голос.

– Он умеет играть на пианино, – сказал Антон.

– И рисовать, – добавил робот.

– Он останется у нас н... н... навсегда?

– Я думаю, да, – сказал Антон, – если он сам не захочет уйти.

– Как он может чего-то захотеть? – спросила Ева.

– Этот может, – ответил Антон, глядя на Сашу.

– Я все могу, – сказал робот.

– А конструктор любишь собирать?

– Можно попробовать, если там не очень мелкие детали.
– Я обожаю передачи о космосе! Ты любишь космологию?
– Я... – Саша замялся, – думаю, что люблю, да... это очень интересно.

– Антон обещал мне подарить телескоп! Будем вместе наблюдать планеты!

– Хорошая идея, – ответил Саша.

Ева действительно любила естественные науки и философию. К примеру, в свои четырнадцать лет девочка прочитала все работы Рене Декарта, правда не поняла многое из его идей. Ева быстро подружилась с Сашей. Целыми днями она проводила время вместе с ним, пока Антон разъезжал по делам, которых у него образовалось больше, чем обычно. Саша с Евой обсуждали многие сложные концепции физики и философии – такие как темная материя, темная энергия, рассуждали о времени и пространстве, о Большом взрыве, о свободе воле и о детерминизме, о Боге и о Дьяволе... Но помимо возвышенных тем они еще рисовали красками и смотрели мультфильмы, а еще Саша пытался научить ее играть на пианино хотя бы одной рукой. Роботу нравилось заниматься ребенком. Он чувствовал себя полезным. Понимание того, что он учит чему-то человека, доставляло ему удовольствие. Ева не переставала удивляться поведению Саши. После общения с подобным ему Бобом Саша казался ей слишком живым для робота.

В один из дней Саша зашел в комнату к Еве и обратил вни-

мание, как заворуженно девочка смотрела передачу про лошадей. Ева мечтала прокатиться на лошади. Она никогда никому не рассказывала об этом - понимала, что осуществить эту мечту невозможно. Но Саша смог считать ее желание по взгляду. Тогда он не стал ей ничего говорить об этом.

* * *

Антон стоял перед зеркалом. Гладил бороду, которая прилично отросла за несколько недель. Лицо его не выражало никаких эмоций. Хладнокровный взгляд хищника. Голова пустая. Никаких мыслей. Предельная концентрация на предстоящем деле. Он подобен самураю, готовящемуся идти на войну. Все, что нужно, он уже обдумал. Сейчас, чтоб все прошло успешно, он должен автоматически совершить действия, отточенные за годы его работы. Эмоции и мысли могут только помешать, заставят его замешкаться в самый важный момент. Никаких внешних раздражителей больше не существует.

Перед совершением убийства Антон настраивал себя таким образом каждый раз. Медитация перед зеркалом, направленная на очищение головы от всего, что его окружает: от нынешнего быта, от воспоминаний, от мелких проблем, от крупных проблем, от мыслей о его болезни и от мыслей о Еве. Антон входил в состояние отрешенности, словно хотел отделить себя, настоящего Антона, от этого монстра, кото-

рый сегодня принесет страдания в чью-то семью и разрушит несколько жизней - оставит детей без отца, жену без мужа и кормильца, а мать без сына.

Антон достал с верхней полки нож, который скоро будет растворен в кислоте, и положил его в карман. На часах одиннадцать вечера. Через час жертва будет идти по скверу. Несколько дней подряд он следил за субъектом, проходя за ним от метро до дома. Антон подойдет к нему, чтобы спросить дорогу. После чего нанесет удар ножом в шею, зайдет в лесополосу, вывернет наизнанку куртку и скроется с места преступления.

Выйдя из ванной, Антон наткнулся в коридоре на Сашу.

– Почему ты в куртке? – спросил робот.

– Дела.

– Какие?

Антон ничего не ответил. Обулся и вышел в подъезд. Оказавшись на улице, он увидел того самого соседа, отца Даниила, в компании нескольких мужчин. На земле стояла бутылка водки и пакет с соком. Антон, не обращая на них внимания, прошел мимо.

– Эй, сюда подойди! – раздался голос сзади. – Здраваться не учили?!

Антон подошел к машине, не реагируя на крики.

Сосед был пьян. Шел, качаясь из стороны в сторону, на Антона.

– Чего ты там заходил?! А?! – проревел он. – Проблемы?!

Антон сел за руль и включил автомобиль. Когда сосед был уже в метре от машины, Антон нажал на педаль газа и резко рванул с места.

Добравшись до пункта назначения, он припарковался на обочине. Вывернул двустороннюю куртку наизнанку, надел на голову панаму и перчатки на руки. Двадцать три часа пятьдесят минут. Пора идти.

Он прошел через лесополосу и оказался в сквере. Из всех его выполненных дел это было самое простое, самое удобное. Жертва ходит по одному маршруту. Сквер безлюдный и темный. Есть область, где камеры наблюдения не захватывают ситуацию. Жертва перемещается на общественном транспорте – это бывает крайне редко. Обычно у них личные автомобили. Был даже случай, когда жертву охранял телохранитель. А здесь – идеальные условия. И в таких условиях Антон в первый раз совершил ошибку. Как можно было убраться не того? Этим вопросом он не переставал задаваться до сих пор.

Сквер просматривался в обе стороны на сто – сто пятьдесят метров. Вдалеке появился силуэт человека. Антон достал телефон и сделал вид, будто разговаривает, чтобы не выглядеть подозрительно, ведь просто так, без дела стоящий мужчина ночью в сквере кажется странным, опасным - жертва может насторожиться и тогда атаковать будет сложнее.

Антон двинулся навстречу мужчине, когда тот был в десяти метрах от него.

– Извините, не подскажите, как пройти к метро? – спросил Антон, нащупывая рукоять ножа в кармане.

Мужчина, не останавливаясь, показал рукой себе за спину. В этот момент Антон ударил его ножом в горло. Мужчина схватился рукой за шею. Антон нанес еще несколько ударов в живот и отошел немного назад. Мужчина стоял и с ужасом на лице ощупывал места, куда бил Антон. Рана на шее начала затягиваться, а кровотечение резко остановилось.

– Что ты сделал? – спросил мужчина, – что со мной?

Антон разглядывал его и не мог поверить своим глазам. Они оба были шокированы происходящим. Через несколько секунд Антон бросился в лес. Бежал, перебирая в голове варианты, которые хоть как-то могли объяснить то, что сейчас произошло. В темноте он не заметил корень и споткнулся. Упал в куст. Ощупывая лицо, он понял, что сломанная ветка торчит из глаза!

– Нет! Нет! Только не это! – со злобой произнес Антон.

Он потянул за ветку и вытащил ее из себя. Закрыв здоровый глаз и посмотрел на руку тем глазом, который только что был пробит, и в темноте смог разглядеть силуэт своей ладони. Потрогал пальцами лицо – нос, щеки, оба глаза – все на месте, все цело.

Добежав до машины, сел за руль и тут же тронулся с места.

«Я схожу с ума, – думал Антон, разглядывая свое лицо в зеркало, – галлюцинации. Раны затянулись моментально. Но пятна крови остались».

Проехав пару километров, он остановился. Снял перчатки и вывернул куртку. Суетился. Мысли путались:

– Что я сейчас видел? А если это не галлюцинации, он сможет опознать меня. Глаз в порядке. Может, меня отравили? Лицо в крови. Значит, рана была. Но я не чувствовал боли. Перчатки тоже в крови. Он видел мое лицо. Меня посадят. Ева останется одна. Черт! А может, ничего не было? Может, я вообще не выходил из машины? Но откуда кровь?! Вернуться посмотреть? Нет, слишком опасно.»

Антон подъехал к своему подъезду. Пьяная компания уже разошлась. Он достал влажные салфетки из бардачка и принялся вытирать лицо.

– Все, пора заканчивать с этой работой, – вслух размышлял Антон, – денег уже и так накопил на много лет безбедного существования. Хватит рисковать. Не хватало еще в тюрьму сесть перед смертью. Лучше буду проводить больше времени с Евой, пока я еще живой.

Закончив с лицом, Антон вытер от крови руль. Сунул кровавые салфетки в сумку и вышел из машины.

* * *

Солнце ушло за горизонт, и на смену ему готовилась выйти полная луна. Отец Мартин пристально смотрел на Левию, сидящего напротив.

– Вам предлагали отречься от своих слов?

— Предлагали.

— Вы настолько уверены в своем бреде, что готовы погибнуть за это?

— Возможно.

— А почему именно шарообразная? Почему не параллелепипед или не эллипсоид?

— Может, и эллипсоид, но точно не плоская.

— Когда я смотрю вокруг себя на поля, на луга, на моря, я вижу плоскость.

— И еще вы видите линию горизонта, за которой скрываются корабли.

— Наше зрение ограничено расстоянием, поэтому корабли и скрываются из вида.

— Возьмите подзорную трубу.

— Левый, подзорная труба увеличивает изображение, но не приближает его.

— А Солнце, по-вашему, куда село?

— За край земли.

— Солнце тоже плоское?

— Этого мы не знаем. Каков его размер, на каком оно расстоянии от нас и из чего сделано. Мы же не можем его потрогать.

— Для того, чтоб что-то изучать, необязательно это трогать.

— Потрогав объект, мы максимально достоверно сможем познать его и понять, каков он. Реален ли он.

– Как-то не вяжутся эти утверждения с вашей верой. Или вы и Бога своего потрогали?

– Богохульство, Левий, богохульство.

– Я могу доказать, что Земля – это шар и что не все вращается вокруг Земли. Что мы – не центр мира.

– Кому нужны ваши доказательства? Вы не думали, что люди не хотят знать ничего более того, что сейчас знают? А вы лезете со своими идеями, которые не несут практической пользы обществу.

– Телескоп, который я изобрел, позволяет видеть другие земли в небе, которые вращаются вокруг Солнца так же, как и наша Земля.

– Левий, вы меня слышите? Предположим, вы правы, и что дальше? Все узнают вашу правду, переглянутся, пожмут плечами и каждый продолжит заниматься своими бытовыми делами, забыв уже на следующий день ваши истины.

– Простым людям это и не надо знать до поры до времени, а вот ученое сообщество не может развиваться, находясь в таком глубоком невежестве и в условиях жутких гонений и казней!

– Ваше ученое сообщество давно уже пора отправить в котел следом за вами, Соз. Вы только гневите Бога своими бесконечными трактатами о бесовских машинах и явлениях. Вы еретик, Левий, жалкий еретик, который пытается выпендриться!

– А вы трус, отец Мартин!

– Чего же я боюсь?!

– Вы боитесь знаний! Вы боитесь задаваться фундаментальными вопросами! Боитесь, что все изменится и ваш статус, ваша власть утеряют силу!

– Завтра в обед вас не станет, Соз. А я продолжу существовать. Это естественный ход событий. Если бы вы были правы, если б ваши идеи могли дать пользу обществу даже в далекой перспективе, Господь бы не позволил уничтожить вас.

– Богу нет до меня дела. Так же, как и до вас, Мартин.

* * *

Поднявшись на свой этаж, Антон приложил палец к сканеру и открыл дверь.

Из комнаты с криком выбежала Ева.

– Антон! Я выздоровела! Выздоровела!

Прислонившись спиной к двери, Антон сполз на пол.

Следом за Евой вышел Саша.

– Антон, я ничего не понимаю, она просто внезапно встала с кресла, – сказал робот.

– Это невозможно описать! – кричала девочка, прыгая то на одной ноге, то на другой, – я управляю своим телом, смотри! Руки, ноги, все двигается, как я захочу, пап! Я даже не заикаюсь!

– Мы собирались ложиться спать, и тут она вскочила, – продолжал робот.

Антон молчал. Просто смотрел на них – то на Еву, то на Сашу. Ему казалось, что он попал в иную реальность. Слишком много всего за один вечер.

– Ты не рад? – спросила Ева.

Антон поднялся, подошел к дочери и обнял ее.

«Это чудо. Спасение. Теперь все станет по-другому, – думал он, – теперь ты обычная. Только бы это был не сон. Теперь ты сможешь не зависеть от близких. Теперь мне плевать, что случится со мной. Только бы не проснуться».

– Пап, ты чего молчишь-то? – девочка немного отодвинула его от себя руками. – Что с тобой?

– ...Встала и давай прыгать, – причитал Саша, – а я ей говорю: не прыгай, а она...

– Ева, – перебил робота Антон, – ты не представляешь, как я счастлив, я не знаю, что сказать. Это... это невозможно, но это случилось.

– А куда ты ездил? – спросила девочка.

– Это уже неважно, это все уже в прошлом.

– Значит, моя болезнь была излечима?

– Нет.

– Как это объяснить? – спросил робот.

– Я не знаю, но это случилось не только с тобой.

– Кто-то еще выздоровел? – спросила Ева.

– Только что я споткнулся, – начал рассказывать Антон,

– я упал и... и сильно поранил глаз.

– Я не вижу раны на лице, – сказал Саша.

– Рана зажила сама тут же, и мне это не показалось. Осталась кровь на салфетке, – сказал Антон, снимая уличные вещи.

– Давайте посмотрим в интернете, – предложил робот.

– Точно, может, что пишут! – сказала Ева и побежала в комнату.

Антон с Сашей проследовали за ней.

– Подвиньтесь, мадам, – шутливо сказал отец и поставил стул перед компьютером.

Антон сел за монитор. По бокам от него, уставившись в экран, нависали Ева и Саша.

– Вот! Смотри! – Ева ткнула пальцем в новость на главной странице.

– Опубликовано полчаса назад, – сказал Антон.

Заголовок гласил: «Мы обрели бессмертие».

– Вот еще! – Ева показала на новости, публикующиеся под строкой поиска в браузере.

«Смертельно больные сами ушли из больниц!»

«Мгновенная регенерация! Все люди резко выздоровели!»

«Инопланетяне изменили наши ДНК!»

«Бог дал людям вечную жизнь».

«Значит, и я здоров, – подумал Антон, – а я уже смирился с тем, что скоро умру, и тут такой подарок. На себя мне

плевать, я не боюсь смерти. А вот радость о выздоровлении Евы затмила все на свете.»

– Зайди уже куда-нибудь, – сказал Саша.

Антон кликнул мышкой, наведя курсор на надпись «Смерти больше нет». «Сегодня примерно в 21:30 по Гринвичу наш мир изменился, – прочел он. – Без какой-либо причины люди обрели возможность к мгновенной регенерации. Смертельно больные вышли из своих палат и отправились по домам. Правительство пока никак не комментирует происходящее». Далее был представлен рисунок загипсованного человека, прыгающего по улице.

– Понятно. Никто ничего не знает, – сказал Антон.

– Не выключай, я еще почитаю, – сказала девочка.

– Интересно, что правительство скажет, – произнес отец.

– Страшно представить, что же теперь будет, – сказал Саша, отошел от компьютера и сел на кровать.

– Страшно, – согласился Антон.

– Чего плохого-то? – спросила Ева.

– Не знаю, – сказал отец.

– Чего вы волнуетесь, все же хорошо? – Ева была бодрой и веселой.

– А ты представь, как теперь все может поменяться на планете. Какие могут быть последствия, – сказал Антон и встал.

«Но это явно лучше, чем было до этого, – подумал он, – по крайней мере, мы не потеряем друг друга».

– Если люди продолжают плодиться... – начал Антон.

– Можно рассчитать, через сколько лет на Земле закончится место, – перебил его Саша.

– Интересно, а животные и насекомые теперь тоже, как и мы? – спросила Ева.

– Скоро узнаем, – ответил Антон, выходя из комнаты. Он зашел на кухню, взял нож и провел лезвием по ладони. Никаких болевых ощущений. Рана начала затягиваться и зажила в считанные секунды, но на ноже осталась кровь. Антон сполоснул его в раковине и сел за стол. Он вспомнил, что нужно побриться и растворить улики в кислоте, но тут же решил, что это уже не имеет смысла.

«Что все это может значить? Это не могло случиться без причины и без чьей-то цели и воли».

– Пап, тут пишут, что какой-то мужчина отрезал себе палец, и он тут же прирос обратно! – кричала Ева из комнаты.

– Здорово! – ответил Антон и снова задумался: «Если люди стали такими, значит, это кому-то надо. Кто-то это организовал. На каком-то своем уровне. На высшем уровне. Ничего не происходит просто так. Везде есть свои законы».

– А если отрезать голову и выкинуть ее, она будет сама по себе жить?! – продолжала кричать девочка.

– Я не знаю!

«Очевидно, наш мир не такой, каким мы его представляли. Сейчас, кто-то поменял его настройки. Что если это только начало?»

– Пап!

– Что?!

– Давай попробуем отрезать что-нибудь у себя и посмотрим, что будет?!

– Нет, я не разрешаю! – крикнул Антон.

– Вот и я тоже против! – Робот прибавил громкости, обращаясь к Антону из комнаты Евы.

«А если тот, кто это сделал, продолжит свою игру? Изменит еще что-нибудь?»

– Пап, иди сюда, тут такое пишут!

– Не хочу! Я и так представляю!

Антон зашел в свою комнату, включил телевизор и сел на диван.

Министр обороны рассказывал о текущем положении. О том, о чем и так все пишут в интернете. Он призывал людей не выходить на улицу во избежание беспорядков. Также он сказал, что ситуация рассматривается на высшем уровне. Правительство решает, что делать дальше.

Послушав его речь еще несколько минут, Антон переключил. Следующий канал не работал. Он переключил еще раз – то же самое. Почти все телеканалы были отключены. Вскоре Антон наткнулся на канал, где в эфире журналист рассказывал, что на Ближнем Востоке солдаты вышли из боевых действий, так как никто не умирает. Он сказал пару слов о том, что это воля Бога и что грядет конец света.

Антон снова вернулся на первый канал. Министр обороны попрощался со зрителями. Телеведущая сообщила, что

новости будут выходить в эфир каждый час всю ночь. Отец оставил телевизор включенным и направился в комнату к дочери. Девочка читала новостную статью в интернете.

– Что говорят? – спросила она, не отводя взгляда от монитора.

– Министр обороны сказал, что ничего не знает. Почти все каналы выключены.

– Мне в школу идти завтра?

– Думаю, нет. А если ты и пойдешь в школу, то теперь в обычную.

– Значит, каникулы! – весело воскликнула Ева.

– А ты не хочешь спать?

– Не-а.

– А есть?

– Не, не голодна.

– Да... – протянул Антон, – я вот тоже.

– Ну и что?

– Я боюсь, что это все связано.

– Связано?

– Если мы бессмертные, то нам не должно хотеться есть, пить и спать, значит, все процессы в теле должны остановиться, но это невозможно.

– Почему же?

– Если ты не будешь пить, то ты просто высохнешь – законы физики никто не отменял. Жидкость будет выходить из нашего тела. И не только жидкость.

– Понятно.

– Про то, что никто не хочет есть, писали в Сети?

– Я не видела.

– Мало времени прошло, чтоб это понять. Я думаю, скоро об этом заговорят.

На улице было шумно, невзирая на обращение министра, во дворе собралась большая толпа народу. Антон не соби-
рался идти на это собрание, он считал, что в этом нет смысла.
Что ничего не решится. Люди обмениваются одними и теми же
вопросами и разойдутся по домам без результатов. Сидеть и
ждать дома – лучший вариант сейчас. Антон был уверен, что
все это неспроста, скоро что-то произойдет. То, что сейчас
случилось, – начало чего-то большего.

Ночь тянулась медленно, спать так никто и не лег. Люди
на улице разошлись по домам. Антон, Саша и Ева смотрели
новости, которые выходили каждый час. Ближе к утру зара-
ботало еще несколько каналов.

Министр обороны сообщил, что полиция, армия и по-
жарные работают в усиленном режиме. Законы конститу-
ции должны соблюдаться независимо от ситуации. Попыт-
ки вандализма, грабежей или намеренного причинения фи-
зического вреда человеку будут преследоваться по закону.
В конце своей речи он добавил, что нужно оставаться ци-
вилизованным обществом. После министра выступала жен-
щина-ученый с докладом о том, что биологически человек
не изменился. Говорила, что пропала потребность в пище и

сне, что все анализы человеческого тела не показали никаких изменений в нем, и что с точки зрения науки мы те же самые люди, а то, что происходит – это парадокс. Потом она рассказала про животных – они не приобрели тех свойств, которыми теперь обладают люди.

Антон подошел к окну. На улице уже рассвело. Он увидел патруль солдат. Пятеро вооруженных людей шли вдоль проезжей части.

– Что там? – спросил Саша, подойдя к Антону сзади.

– Вон, – Антон кивком указал на солдат.

– Я плохо различаю объекты на большом расстоянии, – сообщил робот.

– Патрули ходят.

– Это правильно, реакция людей может быть самой разной.

– Согласен, так спокойнее.

Ева зашла на кухню и села за стол.

– Смотрите, я сама себе косички заплела, – сказала девочка и покрутила головой в разные стороны, показывая прическу, – так удобно все делать самой.

– Ева, – начал Антон, – если все стабилизируется, то заживем мы с тобой теперь по-человечески.

– Я думаю, люди привыкнут, и все станет как раньше, – сказала Ева.

– Только больницы, аптеки и продуктовые магазины закроются, – предположил робот.

– Саша, мы теперь не так сильно отличаемся от тебя в своих потребностях, – сказал Антон.

Раздался звонок в дверь.

– Наверное, соседи, – произнес робот.

Подойдя к двери, Антон посмотрел в глазок. На лестничной клетке стоял человек с бородой.

– Кто?! – спросил Антон.

– Полиция, откройте дверь, – раздался басистый голос.

– А в чем дело?

– Не волнуйтесь, нам всего лишь нужно задать вам несколько вопросов.

Как только Антон открыл дверь, в квартиру тут же влетели люди в полицейской форме и масках. За несколько секунд они скрутили его и уложили на пол лицом вниз, защелкнув наручники за спиной.

– Попался, – сказал мужчина с бородой.

Ева выбежала в коридор.

– Что происходит?! – кричала девочка. – Что вы творите?!

Один из людей в масках начал обыскивать Антона.

– Попался, – повторял мужчина с бородой, – попался... столько лет, столько лет, а...

– Что «столько лет»?! – спросила Ева. – Что вам надо от моего отца?!

– Светланов Антон Юрьевич, – произнес полицейский, – вы арестованы за попытку совершения убийства. Также вы подозреваетесь в совершении двенадцати убийств.

– Это ошибка! – сказала Ева. – Он не мог никого убить. Пап, скажи что-нибудь!

– Ева, я думаю, все уладится, они во всем разберутся, и все будет хорошо, – ответил Антон, не поднимая головы.

– Сомневаюсь, – сказал мужчина с бородой, – камеры проследили твой маршрут до самого подъезда. Есть и свидетель. Тот, кого ты не смог убить.

– Пап, что он говорит?! – плакала Ева, сидя на полу возле Антона.

– Ева, я не знаю, о чем он, – ответил отец.

– Вставай, – произнес мужчина с бородой и слегка пнул Антона ногой в бок.

Антон поднялся и повернулся лицом к группе захвата.

– Бороденку-то не успел сбрить, – сказал один из служителей закона.

– В мире такое творится! Зачем он вам теперь? Идите домой! – воскликнула Ева.

– Мы-то как раз и работаем сейчас активнее остальных, – сказал мужчина с бородой.

Антон вывели в подъезд, держа сзади под руки.

– Скажите адрес! Куда вы его везете?! – спросила Ева.

– И.Р. номер четыре, Мостовая, дом семь, – ответил один из полицейских.

– И.Р.? Что это?

– Ева, ты главное не волнуйся за меня, все будет хорошо, – сказал Антон, стоя у лифта.

– И.Р. – это изолятор распределения, – пояснил Еве мужчина с бородой, а потом добавил коллегам: а вы пока можете начать обыск.

– А с ребенком что?

– Свяжись с Артемом, пусть пришлет кого-нибудь из своих, это уже не наша забота.

Люди в масках осматривали каждую полку, каждый шкафчик. Проверяли карманы курток, висевших на крючке в прихожей. Ева зашла на кухню. Саша, словно манекен, стоял возле холодильника, опустив руки.

– Ты чего? – спросила девочка, вытирая рукавом слезы.

– Не хочу привлекать к себе внимание, – ответил робот, – поговорим, как они уйдут.

Ева выглянула в окно и увидела, как Антона сажают в полицейскую машину.

«Как могла произойти такая ошибка? – думала Ева. – Отец самый добрый, самый вежливый и веселый человек во вселенной. Они сказали, что он убийца. Убил двенадцать человек. Этого не может быть! Папа сказал – все будет хорошо. Значит, так и будет».

Ева села за стол и уперлась щеками в ладони. Она была уверена, что отец скоро вернется, ведь полиция во всем разберется, но успокоиться и перестать плакать девочка не могла.

Полицейский в коридоре вытащил нож и кровавые сал-

фетки из сумки Антона. Он оглянулся на Еву, та этого не увидела. Мужчина переложил оружие в целлофановый пакет и убрал себе в рюкзак. Достал телефон и начал что-то шепотом говорить - Ева поняла, что полицейский недоволен тем, что не мог дозвониться до какой-то Кати и что он просил, чтоб сюда вызвали кого-нибудь из ювенальной юстиции, потому что они не могут оставить ребенка одного в квартире.

— Черт, — сказал он тихо, убирая телефон в карман, — одна полиция, что ли, работает.

— Ева, — обратился он к девочке, — сейчас сюда приедет женщина, ее зовут Катя. Она очень добрая и хорошая. Она объяснит тебе все, что случилось.

Ева делала вид, что не слышит его.

Полицейский прошел на кухню и снял маску. Мужчина лет пятидесяти с добрыми глазами, улыбаясь смотрел на Еву.

— Вы же не дозвонились до нее, — сказала девочка.

— Да, — он замялся, — действительно, но она скоро перезвонит.

Он немного помолчал, разглядывая кухню, потом снова обратился к Еве.

— Меня зовут Костя.

Ева молчала.

— Красивые у тебя косички, — сказал он ласково, — у меня тоже есть дочка. Ей примерно, как и тебе, тринадцать лет. Тебе же тринадцать?

— Занимайтесь своими делами. Я с незнакомыми не раз-

говариваю, – сурово произнес ребенок.

– Молодец, это правильно.

Константин посмотрел на робота и спросил:

– Это твой друг? Боб?

Ева ничего не ответила.

– Боб-один! – выразительно произнес Константин.

– Боб-один готов помочь, – ответил Саша.

Еще двое полицейских зашли на кухню.

– Мы закончили, – сказал один из них.

– Хорошо, расскажете в машине, сейчас не надо.

– Я понял, – произнес полицейский, глядя на заплаканную Еву, – вот только мы ничего не нашли. Поехали уже.

– Погодите, надо с ребенком разобраться. Боб, ты можешь вызвать соцслужбу?

– Да, я свяжусь с ними, – ответил Саша.

– Они наверняка тоже на работу не вышли сегодня, – сказал один из полицейских.

– Боб, тебя же из соцслужбы приставили к ребенку, следить за ней, когда нет никого?

– Да.

– Сейчас я у шефа узнаю, везти ее в участок или с роботом пока можно оставить, – сказал Константин коллегам.

Он достал телефон и произнес: «Шеф», после чего приложил трубку к уху.

– У нас тут проблема. С ребенком надо что-то делать, – спустя несколько секунд сказал Костя начальнику.

Выслушав ответ, он возмущенно заявил:

– Так они не берут.

Получив следующий совет, он произнес:

– Я звонил много раз, там, скорее всего, никто не вышел на работу. Но есть варианты – в отдел ее тащить или можно оставить дома с роботом. У нее тут робот... Этот... Из соцслужбы, Боб-один.

Теперь он больше слушал, лишь иногда коротко отвечая:

– Да... Да, обычный соцработник... Хорошо... Да, он отправил в соцслужбу запрос... Я понял... Буду дозваниваться до них... Да, сейчас выдвигаемся...

Полицейский положил трубку.

– По закону ее можно оставить с соцработником. Он же как раз тут для этого, - сказал Костя, – Ева, ты до этой ночи болела чем-то, да?

– Да, – начала вежливо говорить девочка, поняв, что это ее шанс, – я была прикована к инвалидному креслу, и нам дали робота-сиделку. Мы с Бобом даже на несколько дней оставались одни, когда отец уезжал в командировку. Он заботится обо мне.

– Ясно. Ладно, мы тогда поедem. Скорее всего, сегодня или завтра к тебе придут... – полицейский ненадолго задумался, – придет женщина, которая будет за тобой присматривать и тебе во всем помогать, пока твоего отца не будет.

– Меня заберут в приют?

– Нет, нет, что ты. Она просто пообщается с тобой.

– Хорошо, я буду ждать ее.

Полицейские вышли из квартиры и захлопнули дверь.

– Ева, кем работал Антон? – спросил Саша.

– Я не знаю точно. Я спрашивала много раз, он говорил, что занимается бизнесом. Я верю ему. Я верю, что он никого не убивал.

– Я не спору. Я тоже считаю, что произошла ошибка.

– Что нам теперь делать? Что делать, если приедет эта Катя? Вдруг меня заберут?

– Я не знаю...

– Может, уйдем пока из квартиры? Спрячемся на улице? За городом?

– Нет, Ева, исчезнуть не получится, нас найдут. Выследят по камерам. А уходить совсем далеко нельзя, вдруг Антона отпустят.

– Да... Ты прав... - Ева тяжело вздохнула. - Тогда остается надеяться только на то, что всем стало на все наплевать и никто за мной не придет.

3. Миллиарды демонов спустились на Землю

Ева и Саша просидели весь день дома. Никуда ходить больше не надо, все физиологические потребности организма остановились. Цивилизация оказалась парализована отсутствием смысла в действиях. Только полиция и армия были наготове.

Ева несколько раз звонила в изолятор, куда отвезли Антона. Ей говорили, что свидание невозможно. Приезжать нет смысла, к нему никого не пустят. На вопрос: ошибка ли то, что его забрали, – ей отвечали, что ведется расследование. Ничего конкретного она не узнала. Ева боялась, что придут люди из ювенальной службы по защите несовершеннолетних и ее заберут в детдом. Эти мысли не давали ей покоя.

Двадцать два часа десять минут. Время новостей. Ева села на диван и включила телевизор.

– ...Эти создания никак не взаимодействуют с людьми, – тараторила женщина-репортер, – они просто стоят группами и ничего не делают! Просто стоят! Господи, какие же они уродливые! Наведи-ка на одного из них камеру, – обратилась она к оператору.

В кадре появилось существо белого цвета с перепончатыми крыльями, сложенными за спиной. У этой безобразной

твари было человеческое лицо, но бледно-белое, с отвисшей тонкой кожей и красными, выпученными, как у крысы, глазами. На фоне рядом припаркованного автомобиля это демоническое создание казалась огромным, более двух метров ростом. Существо смотрело в камеру. Потом оно начало улыбаться, неестественно, наигранно, зловеще растягивая губы, а глаза его не выражали никаких эмоций.

Оператор увеличил изображение и сфокусировался на лице демона, которое было покрыто огромными гнойными прыщами. Демон скалил желтые зубы и дразнился, показывая язык.

Ева от страха вжалась в кресло и закричала:

– Саша! Иди сюда!

– Очевидцы говорят, что эти демоны спустились с неба, - продолжила репортер.

Саша подошел к телевизору.

– Они повсюду, их тут тысячи, а может, и миллионы. Мы пока не знаем, как обстоят дела в других городах, но у нас они стоят на каждом углу. Все разной комплекции, кто-то толще, кто-то худее, кто-то выше... – взволнованно говорила репортер.

– Что это? – спросил робот.

– Тихо, слушай, – сказала девочка.

– Солдаты нацгвардии пытались войти с ними в переговоры, но они никак не реагируют на людей.

Ева подбежала к окну и увидела этих существ на улице.

Они стояли небольшими группами по три-четыре особи.

– Возможно, они ждут чего-то? Может, команду к действию? Армия в полной боевой готовно... – появилось сообщение о потере сигнала.

Девочка схватила пульт и начала переключать каналы.

– Да что же такое? Телевизор же работал, – произнесла она, нажимая на кнопки.

– Ева, что-то страшное начинается, ты понимаешь? – сказал Саша.

– Понимаю. Не могли они просто так прийти сюда постоять. Такие страшные! Я как увидела его лицо... Нам надо идти за Антоном. Мостовая, дом семь. Так, где это? – Ева вскочила и побежала в свою комнату. Саша последовал за ней.

Девочка сидела за компьютером и набирала адрес на карте.

– Ева, нам лучше не выходить пока из дома. Антон, скорее всего, в камере. Там относительно безопасно, там полиция. Мы не знаем, что это за существа. И что они будут делать ближайшее время. Я против того, чтоб мы куда-то шли.

– А чего ждать?

– Ждать, пока ситуация станет понятной и стабильной.

– С нами ничего не может случиться, ты забыл?

– Ева, сама подумай. Придем мы туда, и что?

– Не знаю.

– Вот и я не знаю. Сейчас самое разумное ждать. Скорее всего, они во всем разберутся и отпустят его. А если даже не

отпустят, нам его никак не вытащить. Идти туда – это самая бредовая идея, которая может быть.

– Хорошо, наверно, ты прав, – сказала она, а спустя несколько секунд воскликнула: – Слушай! Пойдем рассмотрим их поближе!

– Что?! Совсем сдурела?!

Ева вскочила со стула, взяла видеокамеру из выдвижного ящика стола и подошла к окну. Приложила окуляр к глазу и направила объектив на группу этих существ.

– Темно, – недовольно произнесла девочка, зашла в на-стройку и включила режим ночного видения. Вновь устави-лась в окуляр и навелась на созданий, сделав максимальное приближение.

Три демона стояли на детской площадке. Еще несколько таких же тварей сидели на корточках на дороге перед домом напротив. Одно существо встало и расправило перепончатые крылья. Оно прогнулось в спине, покрутило головой, будто разминая шею, и несколько раз махнуло крыльями.

Когда девочка убрала камеру от лица, то увидела, что в доме напротив практически в каждом окне силуэт человека. Всем было любопытно и страшно, все пытались разглядеть этих существ. Многие снимали их на камеры телефонов.

Ева снова приникла к окуляру.

- Ну и когти у них! - воскликнула она, - Саша! Вместо пальцев какие-то... даже не когти, а крюки! Зачем им крюки, это же неудобно!

– Смотря что ими делать.

– Давай спустимся к ним?

– Нет, это опасно.

– Да плевать, ничего нам не будет.

– Я как робот-опекун не разрешаю спускаться.

– Ой, ой. Захочу – спущусь, ясно?

Внезапно заработал телевизор.

– ...Комендантского часа. В стране объявлено чрезвычайное положение, – говорил министр обороны, – пока мы не выясним, что это за существа и что им нужно, просьба никому не выходить из своих квартир. Все военные силы находятся в режиме готовности...

– И что они сделают, если встретят меня на улице? – риторически спросила Ева.

– Не знаю.

– Ладно, посидим дома пока, подумаешь, – недовольным тоном произнесла девочка.

Ева снова подошла к окну. Три особи были на детской площадке, четыре возле первого подъезда дома напротив, еще три существа на перекрестке дорог и четыре справа на углу их дома.

«Расставлены через каждые метров пятьдесят», – подумала она.

Через дорогу, в соседнем квартале, находился патруль солдат. Чуть дальше патруля снова были эти белые существа.

Повозка стояла на дороге посреди ночного леса. Кучер в сопровождении одного стражника повел лошадей на водопой к реке, которая находилась в нескольких сотнях метров. Проезжая по этому маршруту, кучер каждый раз делал здесь остановку. Один из конвоиров, сидящих около Левия, держал в руке масляную лампу, она давала хоть какой-то свет. Отец Мартин что-то искал в сундуке, закрепленном сзади телеги.

– Что значит «Если он есть»? Левий, вы допускаете, что Бога может не быть? – спросил священник.

Левий повернулся к Мартину, тот достал еще одну масляную лампу.

– Я могу представить себе мир без Бога, - ответил Левий.

– Видели ли вы чудесные каменные постройки, созданные древними людьми? Они поднимали камни на огромную высоту. Вы думаете, это возможно сделать без помощи высших сил? Люди не смогли бы такое построить.

– Поднять тяжелый груз в небо можно, приложив определенные усилия на этот груз. Я не вижу в этом ничего божественного.

– И каким же способом вы приложите эти усилия, допустим, чтоб закинуть каменную глыбу на высоту, – отец Мартин посмотрел вверх, – вот этого дерева?

– Не знаю, но я уж точно не стану приписывать всему,

что не понимаю, божьи происки.

— Левий, а кто, согласно воззрениям вашего научного сообщества, создал нас, людей?

— Я боюсь шокировать ваш неподготовленный разум, отец.

— А вы не бойтесь.

— Одна из гипотез: мы — искусственное создание. Нас сделали те самые древние существа, возводившие все эти сооружения.

— И в это вы верите?

— Мы, в отличие от вас, не верим слепо ни во что. Мы умеем сомневаться. Это лишь идея, которую мы рассматриваем.

Неожиданно раздался волчий вой. Двое конвоиров соскочили с повозки и достали дубины. Отец Мартин вытащил кинжал. Стражники всматривались во тьму леса.

— Почему их так долго нет?

— Сейчас вернутся.

— Может, сходим?

— А если этот удерет?

— С собой возьмем.

— Никуда вы не пойдете, ждем здесь!

Через минуту вдалеке они увидели огонек лампы. Из темноты раздался крик.

— На лошадей напали!

Извозчик бежал к повозке, держа одну лошадь за поводья.

Сзади плелся конвоир.

– Вьюгу убили! Волки! Надо уезжать!

Отец Мартин подошел к извозчику и начал помогать ему запрягать оставшуюся лошадь.

– Большая стая?

– Думаю, очень большая. Они бросались со всех сторон. Я увидел, что Вьюга уже лежит, и в нее впились несколько волков. Ее было не спасти. Повезло, что Дымка уцелела.

Конвоир дошел до телеги, хромя на правую ногу. Его руки и булава были вымазаны кровью.

– Я одному голову проломил!

– Уезжаем! И будьте готовы отразить нападение!

** * **

Ева просидела с камерой у окна практически всю ночь. Иногда отходила к компьютеру почитать новости, потому что по телевизору их больше не показывали - все каналы были отключены. На улице никаких изменений не было. Твари не проявляли ни агрессии, ни любопытства. Никакой активности. Люди из дома напротив всё также сидели возле окон. Было ощущение затишья перед страшной бурей.

С рассветом начался дождь. Ева открыла окно и высунула руку ладонью вверх.

«Странно, – думала девочка, – природа ведет себя так, будто ничего и не случилось. Хотя какая разница природе,

что тут у нас творится».

На улице тишина. Только шум утреннего дождя и ничего больше. Ева посмотрела на бледных мокрых существ внизу.

«Как им только не холодно? Ни одежды, ни меха»

– Ты не устала еще в окно смотреть? – раздался голос робота.

– Нет, а что еще... – Ева резко замолчала, недоговорив. Встала и подошла к Саше, стоящему в дверях комнаты.

– Что это? – спросила девочка.

– Ты о чем?

– Вот снова, – сказала Ева, подняв палец вверх.

– Ева, я не понимаю, что...

– Тихо! – сказала она.

Ева стояла молча. Лицо ее было сосредоточенным и напряженным. Казалось, она пытается что-то расслышать.

– Ева, что такое?

– Вот же, как будто голос. Ты не слышишь?

– Нет, а что он говорит?

– Говорит, что будет суд.

– Суд? Над кем? У тебя галлюцинации или...

– Подожди! Тихо! Голос говорит, что будет суд. Каждый получит по заслугам своим.

– Что за голос? Опиши его.

– Я не могу.

– Человеческий?

– Да не знаю я.

– Мужской?

– Не могу понять. Это как будто... просто информация поступает в голову, но... – она задумалась, – кто-то говорит, но нет голоса. Я не могу объяснить.

– Что он еще говорит?

– Он повторяет одно и то же.

– Что будет суд?

– Да.

– Он заикнулся на одной фразе?

– Это не похоже на фразы или на слова, это... это... я же говорю, информация поступает в голову... как будто голос, но... не голос...

– Интересно, это только ты слышишь?

– Не знаю. Сейчас он говорит, что все хорошие люди скоро отправятся в рай.

– Хорошие люди? Это как понять? А кто будет решать?

– Я откуда знаю?

– А плохие?

– Про плохих ничего не говорит. Но, очевидно, не в рай.

– Может, есть смысл зайти к соседям и спросить, слышат ли они что?

– Точно!

Ева вышла в прихожую, открыла входную дверь и, не обувшись, в носках выскочила на лестничную клетку. Позволила в квартиру слева.

– Да! – раздался голос из-за двери спустя несколько се-

кунд.

– Здравствуйте, это ваша соседка. Я хотела кое-что спросить.

Мужчина открыл дверь и уставился на девочку.

– Здравствуйте, – повторила еще раз Ева.

– Привет, привет, – бодрым голосом произнес сосед, – тебя не узнать теперь.

– Да уж. Я тут хотела спросить, в общем, – Ева не знала, как лучше ей объяснить ситуацию с голосом в голове, – вы не заметили ничего необычного сегодня?

– Заметил, – ответил мужчина, – вот только что из всего невероятного, сумасшедшего, необъяснимого, что произошло в нашем мире, ты называешь необычным?

Ева растерянно улыбнулась.

– Это да... тут теперь все необычно... но сегодня мне показалось, что я слышала голос.

– Который говорил про суд, – сказал мужчина, – мы все его слышали. Жена, дети, я. Скоро мы все отправимся к Богу.

– Понятно.

– Если хочешь, можешь зайти. Чего в дверях-то стоять, еще и в носках одних.

– Да нет, спасибо. Я хотела убедиться, что не я одна его слышу.

– Так ты же вроде с отцом жила?

– Верно. Он отошел по делам.

– По делам? – спросил удивленно сосед.

– Ладно, спасибо, я пойду.

Ева быстро заскочила в свою квартиру и захлопнула дверь.

* * *

Сидели за столом на кухне. Ева на диване, Саша на стуле напротив. Девочка с задумчивым видом как обычно смотрела в окно, подперев руками голову.

– Значит, вот оно что, – недовольно произнесла она, – суд, говорите. К Богу, значит, отправимся. И что же мне делать, если я не успела приобщиться к религии?

– Я считаю, это не так уж важно.

– Почему?

– Сама подумай, религий огромное множество, во все верить невозможно.

– Надо было выбрать одну для себя.

– Ева, у тебя и так много забот было в жизни.

– Я была неверующая. Точнее, я вообще об этом не задумывалась. И знаешь, что-то я сейчас волнуюсь. Вдруг я попаду в ад?

– Мне кажется, это так не работает.

– Откуда ты можешь знать?

– Это нелогично. Представь, что человек жил честно и правильно, по заповедям, но он все равно попадет в ад, по-

тому что он не выбрал себе одну из религий. А другой грешил, но верил в Бога. И его, по-твоему, отправят в рай?

– Пожалуй, ты прав. Нелогично.

– Конечно, я прав.

– Мы с Антоном вроде как не грешили.

– Да он вообще молодец у тебя. Растить в одиночку ребенка-инвалида для молодого мужчины серьезное испытание. Даже подвиг. Не волнуйся, я уверен, что у вас все будет хорошо. Вы очень хорошие и добрые люди.

– Спасибо, но мне все равно как-то беспокойно. А вдруг он и правда причастен?

– К тому, в чем его обвинили? Нет, не может быть.

– Да. Не может быть. Просто перестану об этом думать, и все. Мы с Антоном отправимся в рай. У нас была тяжелая жизнь, мы заслужили счастье.

Ева встала из-за стола и подошла к раковине. Включила теплую воду и умылась. Постояла немного, глядя в потолок, потом повернулась к роботу.

– Саша, есть еще одна проблема.

– Какая?

– Ты.

– Ева, я все прекрасно понимаю.

– Мы не бросим тебя.

– За вас все решат.

– Ты ведь тоже хороший робот! Ты ласковый, заботливый, честный, добрый.

– Ева, давай не будем об этом.

– Мы обязательно что-нибудь придумаем. Понял?

– Конечно.

Девочка зашла в свою комнату. Легла на кровать. Лежала на животе, уткнувшись лицом в простыню, и размышляла. «Если есть сознание, значит, есть и душа. Неважно, в каком теле все это сидит, в теле из мяса или в теле из железа и пластика. Это вообще не робот, это человек в теле робота. Нет, он определенно должен попасть в рай. А как он тут останется? Но он не слышал голос. Это плохо. Значит, Бог, или кто там говорит с нами, не видит его и не обращает внимания на подобных существ. Каких еще подобных? Он один такой. Может, получится попросить Бога взять Сашу с нами? Ева, ты гений! Если это и правда Бог, то он же всемогущий. Что ему стоит одного маленького робота в рай прописать?»

Ева провалялась на кровати до вечера. Представляла, что будет дальше. Пыталась понять, как они смогут встретиться с Антоном, ведь там будет столько народу. Как она его отыщет? А если он не достоин рая, что тогда делать? Представляла, как она расскажет Богу о Саше. Какие слова подобрать, ведь это Бог, он же самый главный. Ей-то с учителями было сложно общаться в школе, а тут такой руководитель! Представляла, как они втроем – она, отец и Саша – смогут там жить. Чем будут заниматься? Как вообще это может выглядеть? Ничего не понятно.

– Снова начинается! – крикнула Ева, садясь на кровати.

– Голос?! – отозвался Саша из кухни.

– Да!

– Что на этот раз? – Робот зашел к девочке в комнату.

– Все случится этой ночью.

– Значит, он может говорить всем разное.

– Почему?

– Потому что жителям на другой стороне планеты он должен сказать, что суд будет днем.

– Верно.

– Интересно, какую роль в этом играют те белые существа?

– Может, это ангелы?

– Ева, ты шутишь?

– Или черти?

– Не знаю, но точно не ангелы.

– Саша, мне кажется, в изоляторе, куда отвезли Антона, уже никого нет. Я собираюсь идти за ним, и я не спрашиваю разрешения, а ставлю тебя перед фактом. Я хочу, чтоб мы были с ним вместе, когда все начнется.

– Я понимаю твои чувства, но это плохая идея.

– Знаю, что плохая.

– Что ж, мне придется пойти с тобой. Я не могу отпустить тебя одну.

– Кто бы сомневался, – сказала Ева, улыбнувшись.

– Нет, это не плохая идея, это просто ужасная идея, – сказал робот.

– И еще, мне нужно знать правду. Если он виновен, то не нужен мне рай без близких людей.

– Не думай о плохом.

– Я должна найти его и все выяснить до суда.

– Как быть с комендантским часом и патрулями?

– Да плевать на них. Я вообще думаю, что там уже нет никого. Все нормальные люди сидят со своими близкими дома и ждут.

Раздался звонок в дверь.

– Видимо, не все, – сказал Саша.

Ева подошла к двери и посмотрела в глазок.

– Это мы, ваши соседи со второго этажа, – сказал мужчина хриплым голосом, услышав шаги Евы.

Девочка узнала, кто это. За спиной двухметрового человека стоял ребенок. Даниил. Тот самый, что издевался над ней и разрисовал Боба. Ева открыла дверь.

– Что вам надо? – спросила она.

– Привет, – сказал сосед, – мы тут, это... ну... Даниил тут это... хотел что-то сказать тебе. – Он схватил сына за шкуру и поставил перед собой. Даниил смотрел в сторону на стену.

– Давай говори, оболтус, – отец ткнул его пальцем в спину, от чего тот вздрогнул.

– Извини, – сказал мальчик, не глядя на Еву.

– За что? – шептал сзади отец.

– За то, что мы смеялись над тобой, мы были не правы, – парень выдавливал из себя каждое слово.

– Да я и не злилась на вас, – начала говорить Ева, не проявляя никаких эмоций, – я вообще на вас не обращала внимания. Мне все равно. Понимаете? Если б вы не пришли, я бы и не вспомнила о вашем существовании.

– Ты извинишь его? – спросил отец.

– Да, – ответила Ева.

– Отлично. Слушай, а где этот, как его... Андрей?

– Антон.

– Да, Антон. Где он?

– Ушел.

– Куда?

– Не знаю.

– А когда придет?

– Не знаю.

– Антон! – крикнул сосед, полагая, что девочка обманывает.

– Да нет его дома, говорю же. Ушел он.

– Куда можно уйти в такое... в такой... в общем, куда можно уйти-то?

– Я понятия не имею. Зачем он вам?

– Да я это, как его, хотел... ну, мы немного поссорились, и я думал, что, может, извиниться мне тоже надо.

– Хорошо, я передам, как увижу его.

– Спасибо. И еще, это... Вам, может, помощь какая нужна? Может, что сделать для вас?

– Буду рада, если вы уйдете.

– Нет, я же серьезно, от всей души.

– Я понимаю, спасибо, нам от вас ничего не надо.

– Ну, если что, вы знаете, где мы живем. Всегда вам рады, заходите, если что надо будет.

– Значит, так. Вы слышали голос? – сурово спросила Ева. Она нахмурилась и сложила руки на груди.

– Да, – ответил сосед.

– Так вот. Вы просто жалкий лицемер. Вы боитесь и поэтому пришли сюда. Ваши извинения ничего не стоят. Не позорьтесь и идите домой ждать своей участи, ясно?

– Зачем ты так, мы же это... ну... хотели...

Ева захлопнула дверь, перебив его невнятную речь.

- Стал он хорошим вдруг, фу... аж противно, кого вот обманывает? - Ева ворчала себе под нос, идя в свою комнату, - Бога испугался и прибежал. Лицемеришка. Почему нельзя быть хорошим человеком не потому, что иначе тебя накажут, а потому, что ты просто хочешь быть хорошим человеком? И вообще, если человек творит добро под страхом наказания, то он добрый или нет? Представляю, сколько сейчас таких, как он, ходят и прощения просят.

Девочка села за компьютер. Зашла во вкладку «карты» и вбила адрес: «Мостовая, дом семь».

– Во дает. Извиниться решил, – произнес робот.

– Боится, – протяжно произнесла Ева, не отворачиваясь от монитора. – Так, посмотри-ка тоже, как нам идти. И запоминай.+

– Нам надо выйти на улицу Комиссаров и дойти до Университетского проспекта. Потом по нему в сторону области. Надо записать.

Ева выдвинула ящик компьютерного стола и достала блокнот.

– Можешь не записывать, я запомню, – сказал робот.

– Нет, мало ли что. Значит, по улице Комиссаров, – Ева начала зарисовывать маршрут в блокнот, проговаривая названия улиц, – потом на Университетский до пересечения с Мостовой улицей и там налево. С проспекта мы свернем, и, – она сделала паузу, – изолятор распределения должен быть по правую сторону.

– Найдем, – сказал Саша, – померь расстояние, сколько идти.

– Вот тут уже все рассчитано, – Ева ткнула пальцем в угол экрана, – двенадцать километров четыреста пятьдесят метров.

– Далековато, – сказал Саша.

– Ладно, собираемся, – решительно ответила девочка.

Ева вышла в коридор и обулась в черные резиновые сапоги. Достала из гардероба желтый дождевик.

«Сойдет», – подумала она.

– Ева! – произнес Саша из ее комнаты. – На улице что-то не то!

Ева подбежала к окну и увидела белый шар в вечернем небе. Шар казался размером чуть больше луны и излучал

слабое свечение. Точные его габариты и высоту над землей определить было невозможно. Вдалеке между домами девочка разглядела еще один точно такой же шар. Ева высунулась в окно и посмотрела по сторонам. Слева за лесопарком – еще один. Справа – еще.

– У меня столько вопросов, что уже не важно, одним больше, одним меньше, – произнесла Ева.

– Смотри, – сказал робот, показывая рукой на одну из белых тварей, стоящих на детской площадке.

Существо расправило крылья в стороны, начало махать ими и побежало, тяжело переваливаясь с ноги на ногу. Постепенно оно оторвалось от земли. Это не был легкий взлет, подобно взлету птицы. Тяжесть и мощь его тела ощущались с каждым взмахом перепончатых крыльев, размах которых превышал четыре метра. Вскоре демон оказался на крыше дома напротив. Остальные существа по очереди начали расправлять крылья, и уже через пару минут все они находились на здании. Ева увидела, что и на других домах сидят эти твари.

– Идем, – позвала девочка.

Вышли в подъезд. Ева нажала кнопку лифта и начала проверять карманы.

– Забыла что-то? – спросил робот.

– Нет, – сказала она, достав из заднего кармана джинс бумажку с нарисованным маршрутом.

– Голос говорил тебе, что все случится ночью. Значит, у

нас есть несколько часов, – сказал Саша и зашел в лифт.

– Пойдем быстрым шагом и успеем. А может пробежимся.

– Обратно возвращаться не будем?

– Нет. Встретимся с ним, все выясним и будем ждать прямо там. Какой смысл нам возвращаться сюда?

Вышли из лифта. Ева впервые спустилась по ступеням, а не по пандусу, которым она обычно пользовалась в той жизни. Подойдя к входной двери, они услышали гул на улице. Как будто огромная толпа народу собралась возле их дома. Ева приоткрыла дверь подъезда. Через образовавшуюся щель было видно людей. Настоящий маскарад. Народ, одетый не пойми во что, толпился, прижимаясь к стенам дома. Прямо перед Евой стоял человек с бородой до пояса, одетый в длинную рясу, всю перепачканную кровью. Он повернулся к девочке, и она тут же захлопнула дверь.

– Не открывай! – сказала Ева и бросилась по ступеням на второй этаж.

– Что там? – спросил робот.

Ева открыла окно в подъезде и забралась на подоконник. Перевалилась немного вперед и повисла на животе, наполовину высунувшись на улицу.

– Обалдеть! Саша! – крикнула она, повернув голову в сторону лестничной клетки. – Иди сюда!

Все свободное пространство во все стороны, куда можно дотянуться взглядом, было забито людьми. Двор, переулок, часть шоссе, которое просматривалось между двух домов на-

против, – все было заполнено народом. Кто-то был в доспехах, кто-то в рваных тряпках, кто-то с голым торсом. Люди из разных эпох стояли настолько плотно друг к другу, что можно было прыгнуть с карниза и идти по головам. Неразборчивый галдеж разносился по улице.

– Ева, что это за шум?

– Тут люди! Как будто из прошлого!

– Что?

– Из прошлого, говорю!

Девочка слезла с окна и села на ступени.

Саша выглянул на улицу.

– Я так понимаю, мы уже никуда не идем, – констатировал робот.

«Не успели, – думала Ева, – Все, конец. Остается надеяться, что мы встретимся там, теперь уже только там».

* * *

Ева сидела на широком кухонном подоконнике, прислонившись плечом к стеклу, и смотрела в окно. Сотни тысяч человек толпились под осенним ливнем. Казалось, если они начнут двигаться, то подавят друг друга насмерть, но они стояли спокойно. Да и умереть никто не мог. Они знали, зачем оказались тут. Знали, что будет в ближайшее время. Знали, зачем Он поднял их.

Девочка посмотрела на часы – двадцать два часа сорок

минут.

– Голос снова говорил, – обратилась она к Саше, – говорил, что все достойные отправятся в рай.

– Про недостойных так и не сказал?

– Нет. Я думаю, всем понятно, что будет с недостойными, – Ева повернулась к роботу, – Саша, если я вдруг исчезну или еще что случится странное... В общем, если меня не станет, я прошу тебя, оставайся здесь, не уходи никуда.

– Зачем?

– Лучше, чтоб я знала, где ты будешь. Вдруг я смогу что-нибудь сделать оттуда.

– Ева...

– Я не шучу. Я обязательно что-нибудь придумаю.

– Ты понимаешь, что говоришь?

– Пообещай никуда не уходить!

– Хорошо, обещаю.

Ева наклонилась вперед, взяла камеру, лежащую на другом конце подоконника, и включила режим ночной съемки.

«Как-то все плохо получается, – размышляла она, рассматривая людей в странных одеждах, – если б я знала наверняка, куда отправят Антона, я смогла бы сделать так, чтоб не расставаться с ним. Если он и правда убил кого-то, может, я успела бы согрешить тоже для того, чтоб оказаться с ним в одном месте после смерти. А как бы я согрешила? Сама убила бы человека? Нет, никто не умирает. Да и не смогла бы я это сделать. Но я точно знаю, что не изменила бы отно-

шение к нему. Он любил меня все эти годы такой, какая я есть. Я же все понимаю. Я была обузой для него, и если б он не любил меня, то бросил бы. Сколько детей оказывается в детдомах, когда их родители узнают, что они необычные. А он остался со мной, даже несмотря на то что та женщина, родившая меня, сбежала, узнав, какая я. Как же противно думать об этом. Я точно так же буду любить его, даже если он совершал ужасные вещи. Я уверена, что он делал это не просто так. Наверняка была причина. Боже, я рассуждаю так, как будто это все правда. Как же я хочу поговорить с ним сейчас и все выяснить. Еще и этот робот. Как я буду без них? Мы так хорошо жили вместе. А теперь я могу потерять их обоих. Это несправедливо. Я ребенок, мне четырнадцать, и я не грешила. Звучит самоуверенно, но я и правда не помню, чтоб совершала что-то нехорошее, и, если меня отправят в рай без них... Вот зачем он мне? Это будет какой-то неправильный рай. Как можно наслаждаться раем, осознавая, что твои близкие где-то мучаются? Лучше бы все было так, как прежде. Я и в коляске себя неплохо чувствовала. Тоже мне, счастье привалило! Тьфу на ваш рай!»

Дождь усилился, и разглядеть что-либо стало сложнее. Ева навела камеру на крышу соседнего дома и сквозь стену воды увидела, что крылатых существ стало больше. Гораздо больше. Вся крыша была забита ими.

«Когда они успели там появиться?»

Девочка резко соскочила с подоконника.

– Саша! Начинается! – закричала она и бросилась в коридор. Наткнулась на робота и чуть не сшибла его.

– Он говорит, что свет заберет нас! Сейчас!

– Ева, я очень рад тому, что встретил вас с Антоном, – сказал робот.

– Саша! Не забудь, никуда не уходи из квартиры!

– Хорошо.

– Ты понял меня?!

– Да.

– Я не шучу!

– Прекрати на меня кричать, я все понял.

– Смотри у меня, пластиковая ты голова!

Через окно начал пробиваться белый свет. Ева повернулась и увидела, что на улице светло, как днем. Она подбежала к окну и посмотрела на небо. Шары стали больше и ярче. Они светились настолько ярко, что свечение их пронзало черные дождевые тучи.

Свет становился все сильнее, и вскоре Ева уже не могла ничего разглядеть. Свет резал глаза. Она зажмурилась и села на корточки. Сзади стоял Саша и что-то говорил. Но Ева была сосредоточена на голосе, звучащем в ее голове.

Внезапно на улице раздались крики. Ева открыла глаза и поняла, что она все еще в своей квартире. Свет потихоньку затухал. Рядом стоял робот. Она поднялась и увидела, что внизу происходит настоящая бойня!

Белые создания слетали с крыш, врезались в толпу и рва-

ли на части всех, кто попадался под руку: мужчин, женщин, стариков. Большинство демонов убивали людей ударами лап впиваясь когтями в плоть и мгновенно разрывая жертв на куски. Некоторые твари хватали несчастных, поднимались в воздух вместе с ними и швыряли их о стены, а некоторые - улетали, унося с собой пока еще живых грешников. Кто-то из обреченных пытался вырваться, взывая о помощи, кто-то бездыханно висел в неестественной позе в когтистых лапах адских созданий.

Лицо Евы было искажено ужасом. Она стояла как вкопанная и смотрела на эту мясорубку.

Люди спотыкались и падали. Расползались в разные стороны по изуродованным трупам, пытаясь оказаться подальше от белых палачей, размахивающих когтистыми лапами. Бежать по человеческим телам в такой толпе было невозможно.

Белые сущности вели себя подобно шершням, залетевшим в пчелиный улей: отрывали людям руки и ноги, швыряли искалеченные тела в сторону и тут же накидывались на следующую жертву.

Вскоре вся улица была покрыта трупами и оторванными конечностями. Ливень разбавлял водой это кровавое море.

– Ева, почему ты еще здесь? – спросил робот.

Но Ева была настолько потрясена, что не могла говорить. Она молча смотрела на улицу.

– Ева! – Робот прибавил громкости. – Ты меня слышишь?

Из соседней комнаты донесся звук бьющегося стекла. Ева обернулась и увидела в коридоре огромное существо, измазанное кровью. Оно тут же подбежало к девочке, задев головой люстру, и склонилось, рассматривая человека своими красными крысиными глазками. Ева почувствовала жуткую вонь, будто перед ней поставили открытую кастрюлю с пропущенным супом, покрытым гнилой пеной. Девочка была по пояс демону. Со страхом и отвращением она, подняв голову, смотрела в его лицо, такое, какое бывает у людей, больных проказой - покрытое язвами и наростам. Тварь напоминала голого старика с бледной отвисшей кожей. Запах существа был настолько невыносимым, что к горлу Евы подступил ком.

Саша схватил кухонный нож и воткнул его под ребра этому уродливому созданию, но оно даже не обратило на это внимания. Постояло еще несколько секунд, разглядывая Еву, а потом резко рвануло вперед мимо нее и выпрыгнуло на улицу, выбив стекла и сломав оконные рамы.

– Они не тронут меня, – тихо произнесла Ева, глядя на огромные кровавые следы на полу, оставленные монстром, – они забирают плохих людей.

– Но ведь ты должна была исчезнуть, отправиться...

– Я отказалась.

– Это было возможно?

– Он дал всем право выбора. Не может быть рая поневоле, – Ева произносила слова монотонно, без эмоций.

– И что ты планируешь делать?

– Сначала я найду Антона.

– Я не одобряю это. На улице опасно.

– Если он и правда виновен в убийствах, то он все еще в изоляторе. Надеюсь, эти демоны не добрались до него. Мы должны идти.

– А дальше что? Как ты попадешь в рай?

– Попаду, если захочу. Мне все объяснили.

– А если он уже в раю?

– Саша, ты идешь со мной?

– Иду, иду.

Ева вышла в коридор и надела желтый дождевик. К ней подошел робот, на плече у него висела небольшая сумка кросс-боди.

– Что у тебя там? – спросила девочка, натягивая сапог.

– Инструменты для мелкого ремонта и кое-какие личные вещи.

Они вышли в подъезд.

– Мостовая, дом семь, – твердила девочка, заходя в лифт, – по улице Комиссаров до Университетского проспекта и потом налево, на Мостовую.

Подъезжая к первому этажу, они слышали мужские крики в подъезде. Двери лифта открылись, и Ева увидела сбегającego со второго этажа вниз по лестнице соседа. Того громилу, что недавно заходил к ней извиняться. Сосед пронесся мимо лифта к выходу из подъезда. Следом за ним про-

бежало белое существо. Буквально через секунды к дверям лифта прилетело кровавое тело. Ева отшатнулась и уперлась спиной в робота, прижав его к зеркалу лифта. Мужчина пытался встать, опираясь на сломанные руки, и что-то прохрипел, глядя на девочку. Существо вонзило когти ему в спину, с легкостью подняло стокилограммового человека под потолок и начало бить о стену возле лестницы. С каждым ударом кровавое пятно на стене становилось все больше. Мужчина болтался в лапах демона, как плюшевая игрушка. Потом тварь бросила его на пол и, выбив дверь, забежала в ближайшую квартиру. Сосед лежал не двигаясь. Его тело было похоже на кожаный мешок с переломанными и сложенными внутрь костями. Голова была полностью смята. Ева и Саша вышли из лифта, перешагнув через изуродованный труп.

– Вы все снова смертны?

– Я нет. Иначе я бы оказалась в инвалидном кресле. А вот он, – девочка показала на труп соседа, – очевидно был смертным.

– Ты мне объяснишь все подробно? Что тебе сказал голос? Как ты смогла остаться и что вообще происходит?

– Все будет хорошо. Я знаю, что делать. Скоро мы все будем там.

– В раю?

– Да.

– Все?

– Да.

– И я?

– Конечно.

– Ты даешь мне ложную надежду.

– Пошли уже. Объясню все, что сама поняла, по пути.

Ева попыталась открыть дверь подъезда, но та не поддавалась. Что-то мешало с другой стороны. Она уперлась в дверь плечом и надавила изо всех сил.

– Саша, давай тоже толкай.

Робот выставил руки вперед и навалился на дверь. Безуспешно. Дверь приоткрылась на несколько сантиметров, и в образовавшуюся щель начала затекать дождевая вода, смешанная с кровью.

– Пойдем на второй этаж, вылезем через окно, – сказала Ева.

– Я не смогу туда перелезть.

– Пойдем, посмотрим.

Поднявшись этажом выше, Ева залезла на подоконник и прыгнула на козырек подъезда. В свете фонарей она оглядела ночную улицу, усеянную трупами. Местами тела лежали в несколько слоев. Дождь неприятно бил по лицу. Ева надела капюшон. Где-то кричал человек, нарушая тишину мертвого города. Из окна на третьем этаже выпрыгнуло белое существо, держа в лапах брыкающегося мужчину, и взмыло вместе с ним в небо.

– Залезешь сюда? – Ева заглянула в окно подъезда.

– Я не уверен.

– Иди вниз, я попробую открыть подъезд с улицы.

– Осторожнее там.

– Мне ничего не угрожает.

Ева села на край козырька и свесила ноги. Спрыгнула вниз на тела и тут же вся измазалась кровью. Услышала хрип рядом с собой – человек с выпущенными наружу кишками стоял и дергал рукой. Стояла невыносимая вонь. Запах свежей человеческой крови был настолько неприятен, что Еве пришлось дышать ртом, только бы не чувствовать этот смрад. Девочка подошла к двери подъезда, взяла за ноги труп, мешающий ее открыть, и немного оттащила его волоком, неуклюже переступая по телам. Набрала код на панели и приоткрыла дверь.

– Пролезешь?

– Попробую.

Саша протиснулся боком в щель и вылез наружу.

4.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.